

12+

АХАНИ

МИХАИЛ ШУКЛИН

Михаил Шуклин

Ахани

«Автор»

2020

Шуклин М.

Ахани / М. Шуклин — «Автор», 2020

Ахани живет в опасном мире, где боги ходят по земле, управляют природой и, если разозлятся, насылают на человека всевозможные проклятия. Но он еще слишком юн, чтобы об этом всерьез задумываться. Сейчас для него важнее семья и спокойная умиротворенная деревенская жизнь. В ту ночь, когда на небе главенствовал бог луны, бледный Сома, Ахани охранял стадо коров. Он уже почти взрослый и может брать на себя такую ответственность. Но парень не догадывался, что эта ночь изменит его жизнь навсегда. Сначала – неожиданная встреча с незнакомкой по имени Анхра, затем – странные видения, а после... неужели смерть? Нет, он должен выкарабкаться! Ахани предстоит пройти сложный путь ради себя и всех, кто ему дорог. Ему придется противостоять древнему демону и целой темной армии. Но хватит ли у него сил и мужества? Что вообще может противопоставить обычный юнец столь могущественным силам?

© Шуклин М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1.	8
Глава 2.	16
Глава 3.	24
Глава 4.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Шуклин

Ахани

Пролог.

Странная лучистая звезда пересекла ночной небосвод и врезалась в склон ближайшего утеса. Золотисто-алое сияние на мгновение осветило все вокруг.

Видно было как от сильного удара в воздух взметнулись десятки крупных заостренных глыб. Поднялась каменная пыль и скала, в ночном полумраке казавшаяся черной незыблемой громадой, изменила свою форму. На ее боку образовалась большая воронка.

Куски каменного монолита посыпались по склону, подпрыгивая, ударяясь друг о друга и раскалываясь на мелкие осколки. А затем долетел и низкий гул от удара. Земля вокруг задрожала.

Мальчик Хади, с удивлением наблюдавший за падением, вцепился в заостренные бревна, чтобы удержать равновесие. Еще мгновение назад его внимание привлекла эта необычная звезда, что падала с небес на землю. Хади видел и раньше падающие звезды, но такую крупную и так близко от себя впервые.

Мальчику показалось, что звезда живая. Ее центр пульсировал ярким серебряным светом и из него торчали с десятков заостренных лучей с сияющими гранями. Падая, она оставляла за собой бледный желто-фиолетовый след, что быстро померк, сразу же после удара о скалу.

Хади охнул и покачал головой. Будет что завтра рассказать друзьям. Вот они удивятся! И даже позавидуют ему наверняка. Мальчик заулыбался, представляя как поутру все разинут рты от его рассказа.

Ночное охранение подходило к концу и утро было уже совсем близко. А там новый день. И новые труды и заботы, и забавы, которых не так уж и много в его родной деревне в долине Закатных скал. Но пока что все родичи Хади спали, кроме него и еще двоих мальчишек, что охраняли покой деревни далеко с других ее сторон.

Ночная тишина и перемигивающиеся в черном небе сотни звезд завораживали. Мальчик оперся о жердь, что служила ограждением на защитной стене деревни, на которой он стоял и, запрокинув голову, пытался найти среди них свою любимую Ушас. Потому он немного удивился когда воздух рядом с ним наполнился шипением десятков летящих как будто с неба жарких огней.

Одна из горящих стрел пролетела совсем близко от головы Хади. Она пронеслась с гудением огромной дикой пчелы и обдала лицо мальчика волной обжигающего жара. Длинные его волосы зашипели и нос учуял запах паленого.

Падая, стрелы вонзались в землю и в крыши больших круглых юрт, в которых спали его родичи. Хади закричал со всех сил. Многие его родные выскакивали спросонья и пытались тушить огонь, который с треском пожирал их уютные жилища. Стало светло как днем и воздух кругом заволокло сизым дымом.

– Огонь! Туши! – взволнованные крики понеслись над деревней. Но пожар быстро набирал силу и пожирал все на своем пути.

Со стороны входных ворот раздались гулкие и мощные звуки ударов. Снаружи кто-то выламывал их, с остервенением раз за разом нанося сильный урон. Крепкие бревна покрывались трещинами и плевались щепками. Вскоре они не выдержали и со стуком рассыпались по земле. В открытый проем со свистом и криками врывались в деревню свирепые воины вооруженные кривыми, тускло блестящими ятаганами.

Родичи Хади, полураздетые, сжимая в руках кто копьа, а кто и мечи, бежали навстречу врагам и вступали в бешеную рубку. Ночную тишину сменили скрежет, звон металла и злобные выкрики.

Хади с высоты стены видел как его друг Мартан за руку вытащил из своей пылающей юрты сестренку Анхру и потащил ее прочь от яростно дерущихся воинов. Огонь же тем временем взвился до небес. Воздух наполнился многоголосым криком женщин, что пытались потушить бушующее пламя и боевыми криками мужчин.

Хади мигом скатился по лестнице и, набрав полную грудь воздуха, с криком побежал к воротам, возле которых яростно дрались его отец и братья. На ходу он достал кинжал, чтобы помочь родным и прикрывать им спины.

Тем временем, Мартан, годовик Хади, крепко сжимая маленькую ладошку сестренки, продолжал тащить ее, упирающуюся и заspanную, за околицу.

– Пусти, Мартан! Где мама? – хныкала девочка и испуганно озиралась, по щекам ее текли крупные слезы. Черные волосы, растрепанные после сна, отливали заревом пожарища.

– Бежим, Анхра, бежим! Мама сейчас придет! – быстро повторял мальчик, не останавливаясь. Они оказались у охранной стены, где у местных мальчишек был припрятан потайной лаз и Мартан силой затолкал туда сестру, а затем нырнул в темную нору сам.

С наружной стороны было темно и прохладно. Дети, измазанные копотью и землей, испуганно озирались и ждали когда их глаза после яркого огня привыкнут к предрасветному сумраку. Из-за стены доносился жуткий гул и треск пожираемого пожаром дерева, звон стелющихся клинков, злые крики и плач женщин, но людских голосов становилось все меньше.

– Бача! Дохтарак! – зло крикнул высокий воин, взобравшийся на охранную стену и увидев внизу детей. В правой руке он сжимал ятаган, лезвие которого было покрыто темной жидкостью.

– Бежим, Анхра! – Мартан снова потащил сестренку за руку в сторону невысокой скалы, что была совсем рядом. Девочка, не сопротивляясь и размазывая слезы по грязным щекам, засемила за ним, чуть не путаясь в подоле длинной, почти до самой земли, грубой, льняной рубахи. Длинные ее черные волосы раздували порывы прохладного ветра.

Брат с сестрой бежали по пологому склону холма, покрытому высохшей травой, часто огибая стоящие повсюду валуны и глыбы. За спинами они слышали топот конских копыт. Оглянувшись, Мартан увидел двух всадников, скачущих за ними. В груди его похолодело, но он еще крепче сжал ладошку сестры и побежал что есть силы к темнеющей громаде утеса, надеясь спрятаться там.

Край неба по правую руку от детей окрасился красными рассветными лучами, осветив светло-бежевые насыпи крупных глыб, которых становилось все больше возле самой высокой в округе скалы. Внезапно увидав под одним из валунов маленькую расщелину, мальчик мгновенно принял решение и свернул к ней.

Мартан затолкал хнычущую сестренку в черный сумрак и сам нырнул следом. Там он зажал ее рот ладонью и шикнул на девочку. Конский топот приближался и казался небесным громом, но сердце Мартана колотило еще громче и мальчик пытался дышать размереннее, чтобы успокоить его.

Два коня резко сбавили скорость бега и два чужих воина соскочили с их спин, покрытых шкурами волков.

– Бача! – заунывно прокричал один из воинов, кого родичи Мартана называли анариями. – Хароб!

Мартан старался не дышать. Злые воины были совсем недалеко и дети хорошо их видели. Одеты они были в грязные штаны, мягкие короткие сапоги и толстые кожаные рубахи. У обоих были кривые ятаганы.

Анарии медленно приближались к скале, под которой спрятались дети, на ходу озираясь по сторонам.

– Бача! – снова и снова звал один из воинов, подходя все ближе.

Мартан видел огромные черные глаза сестренки с изумлением поглядывающие то на брата, то на незнакомых воинов и продолжал крепко прижимать правую ладонь к ее губам. Лево́й рукой он обнял девочку и притянул ее к себе.

Внезапно обзор перед взглядами детей с грохотом закрыли две огромные мохнатые лапы. Неведомый зверь, покрытый черной шерстью, соскочил с валуна и опустился на землю, взметнув тучи пыли, прямо перед анариями. Те застыли от неожиданности.

Зверь взревел и оказался огромным косматым медведем. Рык его прокатился эхом по окружающим скалам. Он свободно стоял на задних лапах, а живот его, грудь и плечи были покрыты черными латами. Ростом медведь был с лошадей, на которых прискакали анарии, но скакуну, увидев страшного зверя, испуганно заржали и галопом пустились в бегство.

Медведь шумно выдохнул из груди воздух, который вырвался из его ноздрей клубами пара и в следующее мгновение взмахнул длинными лапами, на концах которых блестели черные изогнутые когти. Анарии дико закричали от боли, когда эти когти вонзились им в животы и медведь рыча приподнял их в воздух.

Мощный зверь с силой выбросил лапы вперед, кричащие воины отлетели на добрый десяток шагов и врезались в большой валун. Тела врагов сползли по нему и затихли на земле. Тогда зверь обернулся к скале, под которой прятались дети и шагнул ближе к ним.

Маленькие черные глаза медведя смотрели как раз в ту расщелину, где притаились брат с сестрой, ноздри зверя с шумом втягивали воздух, принюхиваясь. Затем он фыркнул, наклонился совсем близко к расщелине и запустил туда правую лапу.

Зацепив когтем за край рубашки, медведь легко вытащил Анхру наружу, как будто поймал рыбу на крючок. Девочка взвизгнула, вырванная из объятий брата и попыталась удержаться за мелкие камни, но лишь проскребла по ним ногтями и выбила шуршащую щебенку.

Мартан в ужасе закрыл уши ладонями, ожидая страшный крик, но было тихо. Оцепенев от страха, мальчик округлившимися глазами наблюдал за страшным зверем. Но тот лишь осторожно принюхивался к девочке, держа ее на высоте своего роста прямо перед жуткой, поросшей черной шерстью мордой. Из его пасти торчали острые белые клыки, с которых редко капала слюна.

Анхра не боялась медведя. Она с интересом протянула руку и погладила зверя маленькой ладошкой по удлинённому мохнатому носу. Казалось зверь чуть улыбнулся тонкими черными губами и привлек девочку к себе, обняв ее огромной левой лапой.

Так они замерли в предра́ссветной тишине, освещаемые первыми розовыми лучами солнца. Фигура медведя стала подрагивать. Длинная шерсть и тусклые латы медленно теряли очертания и растворялись в воздухе, превращаясь в черный дымок. Струйки этого дыма втягивались в ноздри Анхры, а сама девочка медленно опустилась на землю.

Вскоре жуткий медведь исчез, растаял в воздухе и осмелевший Мартан выбрался из своего укрытия.

Глава 1.

Когда золотая колесница прекрасного Сурьи скрылась за горами, на землю опустилась тьма.

Весь день этот красивый юноша радовал все живое вокруг, дарил свет и тепло каждой чахлой травинке и кусту, грел песочные камни и играл со звенящими волнами скромной реки.

Люди любят Сурью, ведь он дарует силы посевам расти, а те, в свою очередь, дают силы быстроногим коням. Каждый новый день начинается с появления Сурьи на небосклоне. Он отгоняет тьму и холод и люди благодарят его утренним поклоном.

Но пришел черед Сурьи уходить и ворвался тут же в воздушное пространство с севера быстроногий Ваю – бог ветра. И стало холодно. Ваю разогнал облака и открыл Соме все, что делалось на земле.

Бог луны, бледный Сома, главенствует на небе ночью в окружении своих двадцати семи жен – созвездий. Еще недавно Сома, проклятый своим отцом, был больным и худым и совсем слабо освещал космическую тьму, но потом снова стал круглым и, не жалея сил, освещал бескрайнюю холмистую местность, усыпанную мелкими кустами и камнями до самого края земли.

Рядом с одним из этих больших, еще теплых от света Сурьи, камней, сидел на земле юноша. Можно было бы принять его за огромного волка, свернувшегося клубком на ночлег, если бы только не вихрастая голова мальчика с длинными светло-русыми волосами.

Юноша Ахани зябко поежился, еще плотнее укутавшись в волчью накидку и погрузив нос в ее жесткую шерсть. Небольшое стадо коров, которое он охранял, давно уже мирно спало. Над головой Ахани раскинулся необъятный купол черного неба, усыпанный несчетным количеством холодных звезд.

Он знал из сказок, что его далекие предки пришли из страны льдов, где не бывает теплого лета, но сам почему то не любил холод. В такие ночи хорошо было греться воспоминаниями.

Он хорошо запомнил обряд дарения имени.

Отец Ахани, высокий, бородастый и очень сильный мужчина, ободряюще кивнул сыну, когда старейшина Вьяса назвал имя юноши – Ахани. Он сказал, что мальчик уже вырос и ему можно помогать старшим.

– Так мне поведал огненный Агни, – сказал тогда Вьяса.

Сразу после обряда мать Вьюна приготовила сыну еду, уложила в сумку и обняла его на прощанье. Ахани всегда смущался этого – ведь он был уже на целую голову выше ее, и считал себя взрослым мужем, а не малышом, с которым ласкаются мамушки и тетушки.

Два старших брата шутя посоветовали Ахани одеть двое штанов, чтобы ничего не заморозить себе, но по их тону Ахани понял, что Брани и Стори тоже рады за него.

А младшая сестренка Савитри долго дергала его за рукав перед уходом.

– Возьми меня с собой! Возьми меня с собой! – часто повторяла она, с мольбой глядя в глаза снизу – вверх, подпрыгивая от нетерпения, тряся густой копной светло-русых волос, таких же как у Ахани, только гораздо длиннее, до пояса.

– Успокойся, Савитри! – мать Вьюна строго сдвинула брови и мягко оттащила девочку от сына. – Мне pomoжешь!

Так и ушел Ахани из деревни на свое первое охранение, под благославляющими взглядами всей своей семьи, взяв с собой любимый тисовый лук и длинный кинжал, притороченный в кожаных ножнах слева на поясе.

Но уже на самой околице, там, где начинались возделанные поля, его окликнул мелодичный голос.

– Куда это ты собрался, Ахани? – задорно спросила его подружка Рохини.

Она стояла гордо оперев кулачок в бок и вздернув курносый с мелкими веснушками нос, так как будто это ее совсем не интересовало, а спросила она просто от нечего делать. Уходящий за горы солнце Сурья бросал последние взгляды на чудесные светлые волосы девушки, что спускались гораздо ниже пояса и ее стройную фигуру, обернутую в светлое платье до шиколоток и подпоясанную красной веревочкой. Талия ее была настолько тонка, что Ахани казалось, что он мог бы при желании обхватить ее ладонями.

Ахани и Рохини были одногодками и с малых лет играли рядом и дружили, и потому юноша с улыбкой ответил.

– Это не женское дело, Рохини.

– Я и сама все знаю, можешь мне не говорить, – девушка подошла ближе и серьезно посмотрела в глаза юноше. – Ты же не уснешь сегодня?

– Ну что ты такое говоришь, Хини? – насупился юноша. – Я же не мальчик.

Рохини неожиданно взяла его за мизинец и опять пытливо заглянула в глаза Ахани, но на этот раз с сожалением.

– Прости меня, пусть боги будут добры к тебе, – чуть слышно сказала она и тут же отпустила палец Ахани, резко развернулась так, что ее густые волосы взметнулись, обдав остолбеневшего юношу волной лесного аромата и скрылась в подступавшем полумраке между рыжими боками юрт.

Ахани с недоумением посмотрел на мизинец своей правой руки, который еще мгновение назад сжимала Хини. Это было странное ощущение, до этого незнакомое ему. Они давно дружили с девушкой и бывало что толкались в шутку, но именно это ее прикосновение было другим.

От прохлады ее пальцев мелкая дрожь пробежала по всему его телу, в груди стало тепло, а земля чуть поплыла под ногами. Тряхнув головой, прогоняя странные и новые для себя ощущения, Ахани повернулся спиной к родной деревне и уверенно пошел по пыльной дороге между возделанными и уже давшими ростки полями.

Он пришел на поле вовремя, но мальчишки, которых он должен был сменить, с нетерпением закричали, едва увидев его:

– Почему ты так долго? Мы уже устали ждать!

– Если ждать – всегда получается долго, – с улыбкой ответил Ахани, понимая, что те сильно устали и наверняка голодные. – Бегите уже домой.

Мальчишки припустили по дороге так, что пятки засверкали. Лишь только отбежав немного, один из них, Дикши, крикнул Ахани тонким голоском:

– Вон та корова! – он указывал рукой на животное, что уже улеглось на ночлег раньше всех. – Она заболела! Принеси ей воды!

Ахани поднял правую ладонь, делая знак что понял, и кивнул. Подойдя к больной корове, юноша погладил ладонью между ее рогов, та подняла на него огромные влажные глаза и коротко жалобно промычала. Затем юноша подобрал с травы деревянную бадью и зашагал с ней к мерцающей в лунном свете реке.

Вода была очень холодной. Река брала свое начало где-то в высоких горах что закрывали собой весь небосклон недалеко от деревни Ахани, всего день пути на коне. Ахани побывал там однажды с отцом, когда они искали сбежавшего из их табуна жеребца. Тогда скакуна они вернули, но пока искали, мальчик вдоволь насмотрелся на величавые серые громады гор с белыми снежными шапками.

– Где-то там твой старший брат Ману, – тогда с горечью сказал его отец. – Он ушел со своими друзьями, чтобы добыть славы и богатства.

– А что там за горой? – с интересом спросил тогда Ахани.

– Там густые леса, что наполнены злыми животными и огромными змеями, – ответил отец. – А еще там есть слоны – это самые большие из животных. И живут там дасы, это их страна.

Тогда Ахани с тревогой посмотрел на гору, но потом встрепенулся и спросил.

– А он вернется? Мой брат.

– Об этом только Варуну истинному ведомо, – промолвил, сдвинув брови, отец, – А нам не дано этого знать, если только Варуна не смилостивится над нами и даст ответ свой через огненного Агни.

Ахани никогда не видел своего старшего брата, он ушел из рода еще когда мальчик был совсем маленьким, но слышал мельком разговоры старших мужчин, что тот был самым сильным из молодых воинов.

Набрав полную бадью холодной, журчащей по камням водой, Ахани притащил ее больной корове, но она уже спала, тяжело и жарко дыша.

Взобравшись на маленький пригорок, юноша сел на чахлую траву, прижался спиной к огромному теплому валуну и стал наблюдать за стадом и низкими холмами, залитыми лунным светом. Для уверенности он положил рядом с собой на землю лук и колчан со стрелами.

Дул прохладный ветер. Несильные, но настойчивые его порывы трепали русые пряди волос Ахани, перекатывались по волнам редкой и низкой травы, что росла на склонах холмов, которые в пору даже просто называть пригорками, извивались, шурша песком, между разбросанных то тут, то там огромных бурых валунов, вспенивали волны мелкой речки и уносились в сторону гор.

Долго сидя без движения, даже в волчьей накидке, Ахани начинал замерзать и когда его зубы уже выбивали дробь от холода, то он резко вставал, и начинал быстро бегать вокруг своего валуна. Так быстро, как только мог, и при этом еще меняя направления – сначала в одну сторону три круга, потом резкий поворот на носках, взметая мягкими сапогами пригоршни щебенки, затем в противоположную сторону три круга, и так до тех пор, пока ему не становилось тепло.

Когда ночь перевалила за половину, Ахани заметил на горизонте, на вершине пологого холма, какое-то движение. Он растянулся всем своим высоким худощавым телом на земле и настороженно уставился туда. Мальчик надеялся, что ему померещилось или это просто тень от одинокого валуна так легла на землю, но в следующее мгновение он разглядел силуэт.

Юноша, затаив дыхание, подполз к своему колчану, с легким деревянным шорохом стрела попрощалась со своими подругами и коротко поздоровалась с изогнутым луком. Стрелять конечно же было еще далеко, да и бессмысленно, и глупо, ведь неизвестно еще кто там, вдруг это добрый путник или заблудившийся олень.

"Какие еще добрые путники в это время," – тут же одернул себя Ахани.

Страха не было, потому что юноша уже давно вышел из мальчишеского возраста, да и на охоте с отцом бывал много раз. Вот уже скоро и бороду можно будет отращивать. Подумав так, юноша потер покрытый легким пушком подбородок. Лук в его руках, множество раз бивший матерых волков, придавал ему уверенности и спокойствия.

Тем временем, тень приблизилась и Ахани разглядел, что это одинокий всадник на белой лошади. Ехал он неспешно и покачивался на спине коня в полудреме.

В это же время где-то вдалеке послышался волчий вой. Он был мощный и протяжный этот голос наверняка сильного и опытного животного, что призывал своих товарищей объединиться для охоты. И хорошо, что этот вой был еще очень далеко, иначе Ахани уже не знал бы что делать с двумя напастями одновременно.

Когда всадник подъехал достаточно близко, Ахани встал в полный рост и натянул тетиву лука.

– Стой! Кто ты? – громко спросил он и белая лошадь, что несла своего уставшего седока испуганно всхрапнул.

Всадник, до этого дремавший на спине кобылы, накрытой овечьей шкурой, резко очнулся ото сна и замотал головой из стороны в сторону, озадаченно озираясь. Из-под полы его отороченного лисьим мехом плаща выглядывала и поблескивала в лунном свете рукоять длинного тонкого меча. Он откинул капюшон с головы и взгляду Ахани предстала черноволосая девушка.

Лицо ее было прекрасно и бледно наподобие луны, глаза же были большие и черные, а губы пухлые и алые, как кровь, четко очерченные. Девушка пару мгновений вглядывалась в лицо юноши, что так некстати прервал ее сон, и от этого взгляда по спине Ахани пробежал неприятный холодок. Зачем губы ее растянулись в очаровательную улыбку.

– Приветствую, воин! – мелодично произнесла она. – Мне знаком твой голос, уж не Ахани ли ты, сын Дакши?

От удивления она даже приподнялась на лошади. И Ахани опешил также и опустил свой лук.

– Так и есть, благородная, – взволновано ответил он. – Но откуда вы знаете меня и моего отца?

– Это долгая история, – сказала тогда черноволосая всадница. – Меня зовут Анхра. Позволь мне спешиться, и мы посидим, а я все тебе расскажу.

С этими словами девушка грациозно соскочила с лошади на землю и не успел Ахани опомниться, как она уже поднималась к нему на вершину холма, прихватив с собой дорожный мешок. Добравшись до верха, девушка развязала тесемки сумы и достала из нее пару кусков вяленого мяса, большой пучок сочной зелени и маленький бурдюк.

– Подкрепимся, раз уж боги свели нас этой ночью, – с этими словами и приятной открытой улыбкой она разложила еду на сумке, опустив ее на землю возле валуна, там же где совсем недавно в охранении сидел Ахани, и жестом пригласила юношу присоединиться.

Только теперь Ахани разглядел, что девушка была несколько старше его, но вот насколько, он так и не мог определить – она выглядела очень молодо, но ее меч, уверенность в себе и манера общения говорили о некотором жизненном опыте.

– Да что ты застыл? – громко рассмеялась она. – Положи ты свой лук – он тебе не пригодится! Садись и угощайся! А еще лучше отведай мой травяной настой!

С этими словами Анхра отпила глоток из своего бурдюка, блаженно зажмурилась и через пару мгновений протянула емкость Ахани. Тогда юноша расслабился, встряхнул изумленное оцепенение и последовал совету милой гостьи.

Он аккуратно опустил на траву рядом с разложенной сумкой, принял из рук девушки кожаный бурдюк и осторожно принюхался к нему. Запах был приятным и дурманящим. Затем он сделал аккуратный глоток.

Настой оказался согревающим, терпким и очень вкусным. Благодное тепло разлилось по языку, а затем и по горлу и животу юноши. И ему стало настолько тепло под волчьей накидкой, что захотелось расстегнуть ее.

– Я вижу тебе понравилось? – радостно спросила Анхра. – Вот теперь можешь и покушать!

Ахани никогда еще в жизни не пробовал подобных настоев и ему стало даже как-то неловко оттого, что голова его немного закружилась. Только после этого он вспомнил про домашние лепешки, что положила ему мать перед выходом. Тогда он достал их из своей сумки и положил на девичью.

– Угощайся и ты, добрая гостья! – несмело сказал Ахани.

– Моя имя Анхра, – еще раз повторила, улыбнувшись девушка, отщипнула кусочек мяса и принялась тщательно его жевать. – Два лета назад мы приезжали в вашу деревню с моим

братом Марганом. Но за два лета много всего произошло, и я сильно изменилась за эти лета. Да и в тот приезд я носа не казала из братиной повозки, так что ты наверное меня и не видел.

Ахани действительно вспомнил, как приезжали к ним в деревню отряд всадников во главе с бледным и высоким мужчиной. Ему тогда было очень интересно то красивое оружие, которым были обвешаны все эти гости. И необычная сбруя их злобных коней, искрящаяся на солнце множеством красивых камней, которыми она была украшена.

Гости долго разговаривали в юрте старейшины Вясы, был там и отец Ахани, и все старшие мужчины. А когда разговор закончился, гости уехали без улыбок и без прощаний, да и сами мужчины рода были серьезны. Ахани мельком слышал обрывки разговоров своего отца с другими, слышал слова “Арии, единство, сила, царь”, но так и не смог разобраться толком о чем шла речь.

Прошло время и толки о странных гостях умолкли. Деревня занялась обычной своей жизнью – возделывали поля, пасли коров и коней, молились богам.

– Что задумался так, Ахани? – с милой улыбкой спросила Анхра. – Помнишь ты моего брата?

Затем девушка неожиданно громко и мелодично расхохоталась, запрокинув голову.

– Я поняла! – сквозь смех сказала она. – Ты еще не пробовал сому, то, что пьют мужчины!

– Нет, никогда, – Ахани покачал головой, и земля качнулась вслед за этим его движением.

Тот священный напиток сома, что готовил из трав старейшина Вяса для всех старших мужчин рода, был пока что недоступен для юноши. Его готовили только в те ночи, когда бога луны Сомы, в честь которого и назвали напиток, не было на небе.

– А что, сома похож на этот твой настой? Ты пробовала его? – Ахани уже с трудом вспоминал нужные слова, и язык его как будто отказывался его слушаться.

– Мой настой немного схож, – кивнула Анхра.

– Почему ты пришла одна? Без брата? Без мужчин? – спросил Ахани и оперся правой рукой о землю в тщетной попытке хотя бы так остановить ее бешеное вращение. Холодные, шелестящие на ветру травинки, словно мелкие змеи, обхватили его ладонь.

Красивая черноглазая собеседница пристально вглядывалась в покачивающегося юношу, сидящего напротив и медлила с ответом – видимо подбирала слова.

– Мой брат Мартан – он сильный человек, – наконец вымолвила она, дрожащими пальцами убрала с лица длинную черную прядь волос, которую порыв ветра швырнул ей на лицо и спрятала ее за ухо. – Он не принимает отказов.

Ахани уже второй рукой оперся о качающуюся землю, силясь понять смысл фраз девушки. Ее слова как будто вынырнули откуда-то далеко из тумана и теперь гулко звучали в глубине головы, разносясь там эхом. Тошнота начала подкатывать волнами из живота к горлу юноши.

Сердце гулкими ударами стучало в висках, а такая уже близкая трава перед глазами начала раскачиваться из стороны в сторону. Силы покинули Ахани и сколько бы он не старался, скрипя зубами, удержать разом ослабевшие руки, но все же не смог этого сделать – руки подогнулись.

Он упал на траву, глотая воздух как рыба, выброшенная на берег, зрочки его бесцельно и не останавливаясь вращались, не замечая ничего вокруг. Кроме дальнего северного холма, на вершине которого одна за другой начали появляться многочисленные черные тени.

Разумом Ахани завладели странные и пугающие, разноцветные видения – сны. Он погрузился в их буйство красок и мало понятных знаков и символов, казалось, что сны его перемешиваются с явью, и невозможно было отделить одно от другого. Как не силился юноша, он не мог собрать мысли воедино.

Все, что оставалось – это стараться удержать внимание на тех картинках, что казались настоящими, хотя юноша даже не мог вспомнить кто он и где находится. Казалось, что он не

человек, а просто чья-то мысль, что покоится на космических волнах, окруженная бесчисленным количеством холодных и колючих, искрящихся звезд.

В один момент Ахани привиделось большое количество темных всадников, что проходили мимо него, страшно фыркали чёрные кони и из их ноздрей клубился ледяной пар.

В другое время ему виделась большая стая воронов, что кружились над его головой в бесконечном черном небосводе, какие-то выше, некоторые ниже и ближе к нему. Они пролетали рядом с его лицом, громко и гортанно каркали протяжным раскатистым эхом прямо ему в лицо, широко разевая клювы и открывая остекленелому взору внутренности гортаней с пульсирующе-красными языками.

В зрачках воронов искрились холодные бездушные звезды и некоторые из них пролетали так близко к лицу Ахани, что с легким шорохом задевали его кожу угольно-черным оперением, колыхали его ресницы холодным ветром своего полёта.

В другие моменты ему снились диковинные животные, которых он никогда не видел и странные места, в которых никогда не бывал. Густой лес с необычными тонкими деревьями, высокими и гибкими, со стволами разных оттенков зелёного цвета, перевитыми странными коричневыми веревками. Лес был полон звуков и движений, шорохов и непонятных криков.

Ахани видел большую змею, такую большую, каких он никогда не встречал. Голова ее была размером с голову самого юноши. Она вглядывалась в глаза ему маленькими черными зрачками, шипя и извивая толстое, длинное тело, и высунув острый и тонкий язык.

Потом ему привиделась огромная чёрная кошка, да такая, что размером была с лошадь, и обладала она дикой яростью и грацией. Утробно рыча, она медленно приближалась к Ахани, оскалив большую пасть, забитую острыми, как лезвия кинжалов зубами. Глаза её были изогнуты к вискам и зрачки горели ярким зелёным светом.

Затем опять чёрные всадники. Только теперь они неспешно брели прямо сквозь тело Ахани, которому казалось, что он парил в воздухе, не ощущая ни рук, ни ног. Злые кони скалили белоснежные челюсти, косясь на юношу темными глазами и хлестали себя по бокам длинными хвостами.

Всадники же все были угрюмы и сосредоточены. Редкие из них бросали взгляды на юношу, но тут же отводили их и проплывали мимо. Все они были высокорослы и плечисты, все с длинными волосами и бородами. Одеты воины однообразно – многие в темных кожаных куртках с нашитыми пластинами меди, на головах повязки и лёгкие шлемы, почти все с мечами и луками, а некоторые были с копьями.

А затем половину неба залило желто-рыжим светом, и по этому свету поползли черные извивающиеся змеи.

Ахани начал осознавать звуки женского плача, когда он стал очень громким. И тогда юноша понял, что слышал его уже давно, ещё когда этот звук тонко родился где-то в глубине его черепа. Но тогда он не придавал ему значения, как комариному писку. Но звук все рос и медленно нарастал в голове, до тех пор, пока не превратился в оглушающий рев.

Прекрасные лица женщин проплывали недалеко от Ахани и они казались ему знакомыми. Почти все они были в странных черно-белых узорах, многие смотрели строго на юношу, кто-то из них тянул к нему руки, как будто моля о чем-то.

Дыхание Ахани пресеклось и сердце застучало с удвоенной силой, грозя выпрыгнуть из груди, когда он увидел и строгое лицо своей матери, и грустное сестренки, а затем и Хини, она тоже пронеслась в его видении, в одно мгновение.

Высокая стройная фигура Анхры заслонила собой полнеба.

– Ахани! Хани! Ани! – как эхо разнеслось в голове юноши.

Огромный плечистый мужчина закрыл собой вторую половину неба. Был он бледен и черноглаз, и Ахани узнал брата Анхры – Мартана. Обе фигуры плавали и извивались в глазах опьяненного юноши. Звуки доносились, как будто из далекого тумана.

Брат с сестрой обменялись короткими, еле слышными фразами, брови Мартана сошлись к переносице, а в глазах засияла решимость.

Ладонь мужчины легла на серебряную рукоять меча и зеркальная сталь полезла вверх, тихо шурша о ножны, подобно степной гадюке. Анхра же развернулась, взметнув чёрным облаком длинных волос, и исчезла из вида.

Бледный лик равнодушного бога Сомы—луны отразился на гладком лезвии, взметнувшемся перед оцепеневшим парнем.

Чуть помедлив, зависнув в воздухе на фоне черного небосвода со множеством звезд, оружие начало движение вниз. Ахани завороченно уставился на острие.

Всего мгновенье понадобилось мечу, чтобы взметнуться в чёрное небо и вонзиться в грудь Ахани, но для опьяненного и одурманенного юноши это мгновенье растянулось на минуты.

Лезвие легко вошло в плоть, разорвав волчью накидку юноши, рубаху и кожу, ломая ребра.

После пришла резкая боль, и Ахани судорожно выдохнул. Вместе с воздухом изо рта выплеснули мелкие капельки крови и упали на румяную и чистую кожу. Лицо юноши исказило страдание, а в груди разлился мучительный жар и нестерпимая боль.

Парень вскрикнул. Из его глаз непроизвольно потекли горячие слёзы.

Тут же над ним со свистом пронеслась стремительная черная молния. Узловатая палка в неизвестных умелых руках отбросила меч и его хозяина на расстояние трех шагов и с такой силой, что казалось воздух застонал от этого резкого движения.

Перед взором Ахани появился невысокий суровый старик, весь закутанный в темные шкуры. Из-под его волчьей шапки выбивались длинные седые волосы, а борода такого же цвета ложилась на грудь. Тёмное, как кора дуба, лицо старика было испещрено глубокими морщинами, брови были сурово сдвинуты, а в тёмных зрачках клубилась строгая ярость.

– Рудра, какое тебе дело до него? – вскричал Мартан, поднимаясь с одного колена.

Вместо ответа старик выставил неотесанный посох перед собой, крепко сжимая его правой рукой. Вокруг его сжатого кулака с бешеной скоростью завихрился воздух, его струи обрели видимость и переплетались между собой подобно клубку змей.

Спустя мгновенье старик резко опустил руку с зажатым в ней посохом, вонзая его конец в землю. Освобожденный от этого удара, сконцентрированный в шар вокруг старческого кулака, воздух вырвался и устремился волной к Мартану, на ходу вздымая пыль, мелкие камни и траву.

Мартан попытался как-то остановить эту волну мечом, выставив его перед собой, но это было бесполезно, подобно попытке остановить речную волну веточкой. Его снова отбросило на добрых пять шагов, и на этот раз воин не удержал равновесия.

Встав с земли и сплевывая песок, Мартан грязно выругался. Потом свистом подозвал стоящего недалеко скакуна и запрыгнул на его спину.

– Приведи своего брата, Ахани! – грозно крикнул он. – Если он придёт – получит своих женщин! Время у вас до того, как Сوما похудеет дважды!

Мартан рукой указал на луну, потом злобно сплюнул на землю, развернул черного скакуна, дёрнув его за гриву. Конь сорвался с места и скрылся за гребнем холма. А девушки след простыл, как будто ее и не было. Если бы не сумка с едой, которая лежала рядом, Ахани подумал бы, что и она ему привиделась.

Слезы боли застилали его взгляд и он, шипя, до крови закусил нижнюю губу. Юноша все так же ощущал себя подвешенным и плавающим в воздухе, светлеющий небосвод также кружился перед глазами, но теперь ещё нестерпимая боль в груди добавилась к его ощущениям.

Тем временем старик, опираясь на кривой посох, обернулся к Ахани и склонив голову, оценивающе заглянул тому в глаза. Юноша впервые видел бога перед собой, если это конечно все было не очередным видением. Он понял, что старик, который отогнал Мартана – это Рудра,

бог диких животных, что живёт высоко в горах. Редкому человеку удавалось в своей жизни увидеть живое божество.

Наклонившись к земле, бог сорвал оттуда травинку, помял её пальцами и закинув ее в свой рот, принялся тщательно и задумчиво ее пережевывать, не отрывая глаз от побледневшего юноши.

Затем достал ее и приложил к ране парня. Боль Ахани вспыхнула с новой силой, прока- тилась волнами по всему телу, но всего на мгновенье, заставив его вскрикнуть. И тут же стала отступать. Старый бог накрыл рану ладонью и боль утихла.

Ахани пришёл в себя. Он смотрел на лицо Рудры, обрамленное седыми волосами. Мгно- венье тот всматривался в голубые глаза юноши, а затем резко посмотрел в сторону гор. Ахани тоже посмотрел в ту сторону. И мир погас.

Глава 2.

Очнулся Ахани, когда солнце уже стояло высоко. Резко открыв глаза, он скривился от ослепляющего яркого света, что заливал всю равнину.

Голова гудела. Ахани приподнялся на локтях, сел и огляделся вокруг. Он находился возле того же серого гранитного камня на вершине пологого холма, там же где и начинал свое охранение прошлым вечером.

Опомнившись, юноша посмотрел на свою грудь и увидел, что накидка порвана и залита запекшейся кровью. Приподняв одежду, он разглядел небольшой белый шрам на левой груди и опешил.

Значит все что произошло с ним за эту ночь было правдой! Но это было слишком невероятно! Такое бывает только в сказках!

Ахани убрал длинные волосы с лица чтобы лучше видеть и заметил поваленную и вырванную с корнями траву и новую насыпь из мелких камней шагах в десяти от себя, как будто бы здесь пролетел маленький ураган. Но как знал юноша, причина этого был магический ветряной удар престарелого бога.

Ахани встал на ноги и покачнулся, так как голова его закружилась. Он был голоден и сильно хотелось пить. Отцепив от пояса бурдючок с водой, он с жадностью опустошил его. Блаженная влага увлажнила потрескавшиеся и засохшие губы и рот, прокатилась оживляющими волнами по гортани.

Коров, которых должен был охранять юноша, нигде не было видно, кроме того несчастного животного, которое заболело и не смогло пережить последнюю ночь. Земля у основания холма, на котором стоял Ахани, была истоптана многочисленными следами коней, были там и две борозды от колес повозки.

И тут разум юноши пронзила болезненная вспышка. Он вспомнил искаженные лица своих родных. Боль и ярость зародились в его груди. Ахани подобрал с земли свой лук и колчан и, резко сорвавшись с места, со всех ног побежал домой, в сторону родной деревни.

На бегу он вспоминал серьезные лица матери и маленькой сестренки, и милой Хини, отчего дыхание его перехватывало и ком подступал к горлу, но он нарочно еще больше увеличивал скорость, чтобы отдать все свои силы на бег.

Ахани несся со всего духу, рассекая воздух грудью, сердце бешено колотило внутри него. Ступни, обутые в мягкие кожаные сапоги, поднимали тучи песчаной пыли при каждом его шаге.

Еще издали юноша почувствовал запах гари и, приблизившись еще немного, увидел вместо скопища родных круглых юрт – черное выжженное пожарище. Чуть позже, добежав до центра деревни, Ахани стал бродить по кругами, всматриваясь под ноги и крутя головой по сторонам, ища кого-то или хотя бы что-то, что могло сохраниться в бушующем здесь огне.

Но пламя не пощадило ничего, кроме камней. Казалось, оно, как неистовый безжалостный зверь пожрал все, до чего мог дотянуться.

Только в самом центре деревни возвышалась небольшая черно-серая гора из золы и пепла. Редкие порывы теплого ветра брали из нее по чуть-чуть, пригоршнями, бережно поднимали и слой за слоем уносили в сторону гор.

Дыхание перехватило – не вдохнуть, не выдохнуть. Время замерло и черная земля закружилась перед глазами. Мир рухнул. Все что он знал и любил до этого перестало существовать – родная юрта обратилась в пепел, добрые соседи сгнули, а родные пропали. Стон родился где то глубоко в груди и вырвался сквозь сжатые зубы.

Счастливого и безмятежного детства стгорело вместе с родным очагом. Обрывки воспоминаний – мягкие улыбки матери, шутки сильных братьев, проказы маленькой Савитри, все это подернулось дымкой забвения. Неясные вспышки радости и солнца – вот все что осталось в памяти потрясенного юноши, когда он сам не зная зачем, как во сне, бродил по большому выжженному полю, склоня голову и тщательно осматривая пепел под ногами.

Каждый шаг он старался ступать осторожно, мягко опуская ступни, с носка на пятку, чтобы не потревожить черный пепел. Но тот все равно легкими облачками взметался от каждого движения и окрасил бурую обувь юноши в угольный цвет.

"Вот вроде здесь была моя юрта," – подумал Ахани, замер и огляделся вокруг. – "Хотя нет, тот холм был ближе," – он аккуратно сделал три шага в сторону. – "Да, так я встречал Сурью, когда он появлялся на небе с того холма. Мать всегда откидывала полог, чтобы поклониться ему."

Ахани вспомнил слова Мартана и тот короткий срок, что дал он для того, чтобы найти и привезти его старшего брата. Всего два месяца. Два месяца, чтобы перейти через гору и в тех густых опасных лесах, про которые рассказывал отец, отыскать брата, которого он никогда не видел.

Но выбора у Ахани не было и, оставив пепелище родной деревни за спиной, он зашагал на юг в сторону гор.

Проходя мимо зеленеющего возделанного поля по еле различимой тропинке, юноша думал о лошадях. Он надеялся, что табун который всегда пасся за этими полями, разбежался от ночного набега и ни один конь не достался подлым воинам Мартана. Хватит им и стада коров.

Ахани прошел поле и взобрался на пригорок, за которым начиналась холмистая равнина. Коней нигде не было видно. Зато вид родных предгорий, покрытых желто-зеленой травой и усыпанных множеством серо-черных камней, булыжников, глыб и валунов, немного отогрел его скорбящее сердце.

Теперь предстояло идти до гор на краю земли и если на коне Ахани добирался туда весь светлый день, то сейчас, пешком, путь должен был растянуться гораздо больше.

Узенькая речка, извиваясь и журча, скрывалась за пригорками, ее берега также были усыпаны серыми глыбами и галькой. Вода весело пела, перепрыгивая с камня на камень, иные огибая, и стремительно текла в долину.

На горизонте же, над холмами медленно плыли огромные и белоснежные облака. Казалось, что они ползли по пологим вершинам, оставляя за собой влажные темные следы, наподобие огромных снежных улиток.

Долина продолжала жить своей жизнью и Ахани казалось что она вовсе не заметила потери целой деревни. Все вокруг продолжало дышать и цвести в ритме заведенном от сотворения мира. Изумрудная трава волнами качалась под натиском ветра и совсем скоро она должна была скрыть место страшного пожара, так знал юноша.

"Пройдет совсем немного времени и о моей семье и деревне не вспомнит никто, кроме меня," – думал он.

Парень сжал зубы, нахмурился и уверенно зашагал по склону. Из-под подошв его сапог, с шорохами и стуком, вылетал мелкий щебень и скатывался вниз. На ходу юноше часто приходилось огибать большие валуны или перешагивать через те, что поменьше, либо взбираться на те, что покрупнее.

Вот так, в очередной раз вскарабкавшись на большую глыбу, Ахани увидел внизу какое-то движение, между нагромождения камней и мелких кустарников было что-то живое и оно было черного цвета. Но как не присматривался юноша, разглядеть что это он не мог, так как было далеко. Тогда Ахани аккуратно слез с валуна и стал спускаться в сторону неизвестного существа, стараясь издавать как можно меньше шума.

Продвигался юноша медленно, потому что старался не выдать себя неизвестному животному. На ходу он случайно спугнул птицу кайру, которая с криком взметнулась высоко в небо. Ахани зашипел с сожалением и замер. На том месте, где сидела птица, прямо на траве лежали три отложенных маленьких яйца. Недолго думая, голодный юноша подобрал их и, пригнувшись, стал продвигаться дальше, выпивая содержимое яиц.

Животное, что пряталось за невысокими кустами, почти не издавало шума, лишь изредка пофыркивало. Ахани достал лук из-за спины, наложил стрелу и осторожно выглянул из-за большого валуна.

Это был Даэв. Ахани улыбнулся, когда увидел его. Совсем еще молодой жеребец полностью черного, угольного цвета. Был он невысокий и худой, но отсутствие развитых мышц придавало ему резвости и скорости.

Конь рвал листву с куста, жевал ее, попутно отгоняя мошек длинным густым хвостом и чутко прислушивался к окружающим звукам, поводя ушами. Ахани спрятал лук на положенное ему место и осторожно позвал коня.

– Даэв, – негромко мелодично произнес он.

Животное вздрогнуло и отпрянуло, недоверчиво косясь на юношу. Тогда Ахани вышел из-за камня, за которым прятался, и шагнул вперед, миролюбиво протянув открытую ладонь встревоженному коню. Даэв вглядывался всего мгновение в юношу огромными влажными глазами и тут же узнал знакомого. Он радостно и коротко заржал и подбежал к юноше, мотая длинной гривой и пританцовывая на месте в нетерпении.

– Хороший Даэв, хороший Даэв, – с улыбкой повторял Ахани и гладил коня по холке, между плечами, там где начиналась роскошная грива животного, пока тот немного не успокоился.

– Пойдем со мной, Даэв! – попросил коня юноша и мягко потянул его за гриву в нужном направлении, дальше на юг, вниз по склону в маленькую долину, по дну которой извивалась узкая река.

Юноша и конь шли рядом какое-то время. Ахани поглаживал коня и разговаривал с ним, рассказывал все, что произошло за последние два дня и ему становилось легче идти и дышать, тяжесть, придавившая плечи, исчезала.

Даэв был хорошим слушателем. Он чутко прислушивался к взволнованному голосу человека, иногда всхрапывал в ответ на его злые слова или мотал шеей так, что его густая, черная как ночь, грива летала вокруг.

Прошло время и Ахани попробовал влезть на спину коню, и тот ему позволил. Юноша осторожно взялся за гриву и мягко направил скакуна в нужном направлении.

Так, верхом, Ахани оказался в длинной извилистой долине, посередине которой текла быстрая река. Вода ее была холодной до ломоты в зубах. Вдоволь напившись и наполнив бурдючок, юноша снова влез на Даэва и направил коня вдоль реки по берегу.

Скоро начало темнеть и Ахани развел костер, чтобы пожарить маленькую куропатку, подстреленную по дороге. Позже, когда юноша лакомился горячим дымящимся мясом возле мерцающих углей потухшего костра, он достал из поясной сумки два маленьких куска лепешки, что приготовила его мать и осторожно откусил маленький кусочек, тщательно и не торопясь он наслаждался его вкусом, а то что осталось спрятал обратно.

Насытившись, парень завернулся в волчью накидку, которую до этого оттер от крови, и лег спать, греясь возле тёплых углей.

Сон не шёл. Ахани думал о своих близких, их улыбающиеся образы мерцали в сознании, потом вспомнил лица строгой матери и растерянной сестренки, измазанные копотью и расчерченные следами от слез, и сердце его наполнила глухая злость. Он мечтал добраться до Мартана, представлял как вцепится ему в горло и перегрызет его зубами.

Ещё Ахани не понимал, зачем они сделали все это? Какая цель у всех этих злодейств? О чем были разговоры Мартана со старейшиной Вьясой и намеки Анхры. И при чем тут его старший брат Ману, уже десять лет как сгинувший за горами на юге.

За этими мыслями и воспоминаниями промелькнуло полночи. Ее тишина не была полной. Потрескивали затухающие багрово-черные угли, часто раздавались в ночи крики птиц, уханье сов, повизгивали мелкие жители недр земли, изредка хлопали крылья невидимых летучих мышей и журчала ледяная вода в реке.

Внезапно совсем рядом раздался протяжный злобный вой и разом вся природа вокруг затихла. Ахани, только задремавший и погружающийся в сон, сразу встрепетулся и настороженно прислушался к окружающему. Рука его нащупала рукоять длинного кинжала, что дремал в ножнах на поясе.

Шло время, но ничего не происходило. Также журчала вода, ветер шелестел листьями редких окружающих кустов и посвистывал между камнями. Перемигивались сотни ярких звезд и медленно плыли редкие курчавые облака.

Даэв, до этого щипавший редкую траву между камней рядом с Ахани, подошёл к юноше совсем близко и стал прислушиваться вместе с ним. Конь был спокоен внешне, лишь изредка по его телу пробегала крупная дрожь да хвост бил по бокам чуть чаще обычного.

Ахани совсем уже было ослабил хватку ладони на кинжале, как вдруг совсем рядом, шагах в десяти зашуршали ветви кустарника и раздалось тихое утробное рычание. Он увидел только как злобно полыхнули красные зрачки и тут же пропали.

Ахани вскочил на одно колено, отложил клинок и молниеносно накиннул стрелу на тетиву. Прищурившись, он выпустил древко с костяным наконечником в то место, где только что сверкали глаза дикого животного.

Отпущенная сильными пальцами тетива с облегчением выдохнула и привычно взметнула светлые волосы юноши. Стрела на прощание коснулась белым оперением скулы Ахани, свистнула, рассекая прохладный воздух и исчезла в темноте.

Реакции не было. Ахани втайне надеялся на жалобный скулеж или хотя бы на злобное рычание, но ответом ему была тишина. Все окружающие тоже казалось замерли, наблюдая за исходом охоты или просто попрятались в свои норки и трусливо дрожали там, ожидая, когда свирепый хищник покинет их уютную долину.

Ахани наложил новую стрелу и, натянув тетиву, встал на ноги. Даэв, тихо сопя, прикрывал ему спину. Полнолицый Сома плыл высоко по черному небосводу и ярко освещал местность.

Снова раздался шорох веток, но уже слева. Между валунами, за которыми поблескивали журчащие воды, мелькнула крупная тень. Ахани снова выстрелил, метаясь в нее, но она была очень проворна и тут же исчезла.

Ахани был спокоен. Он достал третью стрелу, снова натянул тетиву и стал ждать. Юноша знал, что иногда, чтобы победить в схватке, нужно проявить терпение. И быть спокойным и твердым как камень. Оперение стрелы, покачиваясь под редкими порывами теплого ветра, забавно щекотало правую скулу юноши, словно стараясь поддержать его в опасной ситуации.

Снова раздался шорох, но теперь он был справа от юноши в двух десятках шагов и на фоне темного склона холма почти ничего не было видно, кроме нагромождения валунов. Внезапно на их вершине, отражая лунный свет, зажглись ярко-красные огоньки.

Ахани мгновенно отпустил стрелу, метаясь точно между огнями. Но снова черная тень оказалась проворнее и стрела ушла в никуда.

Даэв за спиной юноши негромко заржал, словно предупреждая Ахани об опасности. Парень присел под шею коня и увидел еще одну большую волчью тень. Дикий зверь, не особо таясь, скалил зубы и злобно рычал между камнями в десятке шагов от человека. Увидев

направленную на него стрелу, волк тут же скрылся, но Ахани успел разглядеть его и понять что зверь, кружащий вокруг них с Даэвом был не один.

Это был крупный черно-серый волк. Ахани видел однажды похожих хищников, когда они с отцом ездили в соседний большой аул, что был в трех днях пути от их деревни, там куда уходил солнце – Сурья. Но тогда хищники даже не решились напасть на них.

И отец тогда сказал, что волкам обычно хватает того множества мелких животных, что живут вокруг и даже на деревенские стада коров они нападают очень редко, но видимо эта ночь была неудачной для волчьей охоты.

– Пойдем, Даэв, – спокойно сказал Ахани и медленно попятился в сторону реки, не забыв подобрать кинжал и воткнуть его в ножны. Он надеялся, что стая не окружит их с конем на берегу, ведь неизвестно сколько еще зверей пряталось во тьме. Лук он так и не опускал, поводя им на каждый шорох.

Внезапно на высокий валун справа от юноши, злобно рыча, выскочил огромный, ростом с самого Ахани, волк. Не медлив, он с воем, бросился на человека, разинув большую пасть, забитую изогнутыми клыками.

Ахани выстрелил в летящего волка. Стрела коротко свистнула и вонзилась ему в грудь. Зверь злобно взвизгнул, его тело немного развернуло от удара деревянного древка, но все же стрела не остановила его полет.

Падающий волк всем весом тела обрушился на Ахани и опрокинул его на землю. Лук юноши отлетел в сторону. Ахани неосознанно выставил правую руку перед лицом и челюсти волка сомкнулись на его запястье.

Парень зашипел от боли. На лицо капала горячая слюна, когда зверь, яростно рыча, скреб передними лапами с острыми когтями по груди человека.

И тут Даэв, резко развернувшись, лягнул бешеного хищника так, что его отбросило на пару шагов. В момент удара Ахани услышал шлепок и хруст, и на лицо ему брызнула теплая липкая жидкость.

Еще даже не встав с земли, Ахани снова услышал злобное рычание, но уже со стороны реки, и из расщелины между камнями вылетело еще одно косматое стремительное животное с оскаленной пастью и горящими глазами. Дикий волк увернулся от щелкнувших в воздухе зубов Даэва и налетел на успевшего встать на одно колено Ахани.

Юноша почти ничего не видел вокруг, все его зрение сузилось до размытых пятен из-за залившей лицо крови, но все же он успел, ориентируясь на звук бегущего хищника, выставить кинжал в нужную сторону, крепко сжать рукоять двумя ладонями и что есть силы напрячь мышцы рук, чтобы остановить полет мускулистого хищника. Волк с диким воем на бешеной скорости налетел на Ахани, щелкая челюстями и снова повалил юношу на землю, как ни пытался тот удержать равновесие.

Животное сразу смолкло и обмякло на юноше, немного подергиваясь. Из его спины торчал кончик кинжала Ахани, потому что волк в ярости налетел всем своим весом на выставленное лезвие и кинжал пробил его насквозь.

Ахани как можно быстрее постарался выбраться из-под убитого хищника, столкнул его огромную морду с себя и отполз, отталкивая тело ногами. Одновременно юноша тер глаза от крови и пытался проморгаться, чтобы видеть лучше.

Рядом завьили еще три-четыре волчьих голоса, между камней и кустов то тут, то там замелькали большие стремительные тени. Даэв громко и грозно заржал рядом с Ахани, видимо пытаясь отпугнуть хищников и показывая, что готов сражаться с ними.

Ахани же шарил по траве, пытаясь отыскать упавший лук. Он все еще плохо видел. Частое моргание только частично вернуло ему зрение – мир вокруг все также напоминал размытый рисунок.

Наконец юноша нащупал гладкое изогнутое древко и вздохнул с облегчением. Он быстро встал, держась за длинную гриву Даэва, вогнал кинжал в ножны и натянул тетиву с наложенной стрелой.

Так они продолжили движение к берегу реки. Ахани поводил луком на каждый звук, раздающийся рядом, руки его дрожали, а вой и повизгивания окружающих хищников все не прекращались.

Волки уже почти не таились. Они следовали за отступающей парой, взбираясь на камни и мелькая за кустами. Ахани насчитал их с десяток. Но видимо хищников теперь останавливала участь погибших товарищей и нападать они не спешили, а пытались скорее запугать и запутать врага.

Но вот один из волков, видимо самый молодой и безрассудный, с воем попытался атаковать Ахани, прыгнув на него с валуна. Юноша тут же отреагировал на звук рассекаемого волком воздуха и выстрелил навстречу опасности.

Звук отпущенной тетивы порадовал слух и сердце Ахани. Стрела свистнула и вонзилась прямо в гортань волка, пролетев между широко разинутых в злобном вое и поблескивающих в лунном свете челюстей.

Дикое рычание резко оборвалось и перешло в булькающий хрип. Тело волка развернуло в воздухе. Полет его прервался и хищник рухнул на землю, так и не дотянувшись до Ахани.

Юноша сразу же привычным жестом наложил новую стрелу, натянул тетиву и они с конем продолжили путь, лавируя между валунами.

Ахани тихонько шипел от боли. Раненая правая рука, покусанная волком, продолжала кровоточить и ныть, но времени на то, чтобы осмотреть рану не было.

С неба яркий Сома вместе со своими двадцатью семью женами с интересом наблюдали за проходившей внизу в долине кровавой охотой.

Река была совсем близко, когда голодная стая предприняла еще одну попытку настичь добычу. Крупный волк бросился на Даэва, попытавшись добраться до горла жеребца, но тот встал на дыбы и острые челюсти цапнули только клочок черной гривы.

Одновременно еще два волка с разных сторон бросились на Ахани. Одного из них он остановил выстрелом из лука, стрела угодила прямо в глаз хищника. Второй же с рычанием и яростью налетел на юношу.

Этот хищник был старше и крупнее предыдущего и поэтому у него получилось оцарапать клыками плечо парня и опрокинуть его навзничь, навалившись своим поджарым телом.

Тем временем к Даэву подскочили еще три волка и конь, как мог гарцевал между их клацающих челюстей, вздымаясь на дыбы и лягаясь что есть мочи. Волки были очень резвые и крутились вокруг коня с бешеной скоростью, рыча и повизгивая, каждый норовил вцепиться в какую-нибудь часть тела скакуна.

Одиной удавалось Даэву снова встать на задние копыта и обрушить передние на спину нерасторопного волка, который не успел отскочить в сторону. Раздался хруст и короткий жалобный скулеж. Передние копыта коня заблестели от влаги в лунном свете. Остальные волки, увидав кончину своего товарища, стали вести себя аккуратней и уже не столь резво бросались под смертельные копыта.

Ахани тем временем, лежа под рычащим волком, пытался быстро немеющей рукой вытащить кинжал из ножен. Правой он сдавливал горло волка сквозь густую и длинную шерсть. Сжимал пальцами, одновременно стараясь придушить его и удержать от движений, чтобы хищник не трепал челюстями, вцепившимися в его левое плечо.

Уже почти не чувствуя левую руку, Ахани нащупал скользкую от влаги рукоять кинжала и потянул его вверх. Каждое движение отдавалось болью, потому что волк придавил его жилистым телом к земле, цепко держа лапами, чтобы тот не шелохнулся.

Напрягая последние силы из мышц плеча, Ахани тянул кинжал вверх, пока тот не высвободился. В это время к месту схватки подбежали еще четыре крупных волка и стали кружить вокруг, наблюдая.

Клинок выскользнул из немеющих пальцев. Юноша судорожно шарил по траве насколько позволял сильный хищник, натываясь то на ветки, то на камни и погружаясь пальцами в изрытую когтями смесь песка и гальки.

В глазах парня начало темнеть. Перестало хватать воздуха. Злобный волк уже давно и сильно придавил ему грудь и часть шеи, так что перед глазами все начало плавать и окрашиваться в красный цвет. Звезды стали гаснуть в вышине космического пространства, а пальцы правой руки Ахани подрагивали и ослабляли хватку на горле хищника.

Рычание волка приобрело довольный оттенок и другие звери осторожно подошли ближе. Тут пальцы Ахани нащупали кинжал и цепко сомкнулись на рукоятке. Юноша приподнял оружие и, насколько позволял цепкий волк, вонзил лезвие ему в бок.

Но позволил сильный волк совсем немного и лезвие вошло в его тело только на глубину пары пальцев. Хищник яростно взвизгнул и с новой силой впился клыками в плечо человека. Ахани закричал и на глазах его выступили слезы. Звезды и луна заплясали и закружились перед глазами.

Собрав остаток сил, коротко дыша и подрагивая, юноша старался погрузить лезвие кинжала еще дальше и, шипя от боли, как мог преодолевал сопротивление мощных лап. Волк тоже повизгивал и рычал, но все же лезвие очень медленно погружалось все дальше и глубже в его тело.

Наконец он судорожно забил лапами с длинными когтями по земле, взметая вверх мелкие камни, песок и ошметки травы, и замер.

Тем временем Даэв задним копытом попал наконец и отбросил одного из волков прямо об твердую поверхность высокого валуна. Конь подбежал к лежащему на земле под распластавшимся телом большого волка Ахани и призывно заржал.

Юноша приоткрыл глаза. Ему очень хотелось уснуть. Сил совсем не было. Но его друг Даэв звал его куда-то и ему нужна была помощь.

Ахани зашевелился под мохнатым грузным телом. Отталкиваясь правой рукой и спихивая ногами волка, выполз из-под него и встал, пошатываясь и сжимая кинжал.

Оставшиеся волки, не переставая рычать, кружили вокруг человека с конем. Юноша в ответ размахивал кинжалом и тоже злобно и бессвязно кричал на хищников.

Зрение подводило Ахани. Благо что луна светила ярко – юноша быстро обнаружил лук на земле между камней. Он подобрал его и забросил за спину. Затем, прихрамывая и держась одной рукой за густую гриву Даэва, зашагал к берегу реки.

Волки, не отставая, крались вслед за труднодоступной добычей. Часто Ахани приходилось устало махать правой рукой с зажатым кинжалом и громко кричать, левой рукой он кое-как держался за гриву коня и почти не чувствовал ее.

Наконец добрались до воды. Река встретила друзей прохладным ветром и свежими брызгами разбивающихся о гладкие валуны ледяных струй. Вода бурлила с большой скоростью и весело журчала, устремляясь в сторону долины.

Ахани с облегчением ступил на гладкую прибрежную гальку и стал продвигаться к воде, огибая глыбы. Прохладный ветер освежал открытые раны юноши и он тихо шипел, сжав зубы. Свет Сомы отражался на резвых волнах реки. Она была не широкой и с пологими берегами.

Поняв, что добыча почти упущена, волки засуетились с удвоенной энергией. Они стали подбегать гораздо ближе и старались схватить Даэва за ноги. Тот с угрозой ржал, Ахани кричал и отмахивался, и даже довольно глубоко полоснул одного из хищников.

Но все было тщетно. Волков было еще семеро и все они были голодны и яростны. Сил у юноши почти не осталось и это заставляло друзей отступать к воде.

Часто парень гладил ладонью коня по бархатному черному боку, стараясь успокоить его или успокоить себя. Конь казалось понимал все, что не произносил друг.

Скоро сапоги Ахани ступили в быструю реку. По его телу сразу побежала дрожь от холода воды, что текла с заснеженных вершин. Волки яростно визжали и клацали острыми челюстями, заставляя друзей отступать.

Ахани по щиколотку в воде добрался до большого валуна и взобрался на него. Даэв обошел камень с другой стороны. Волки неистово бросались наверх, царапали когтями и высекали искры из твердой гладкой поверхности.

Выпад кинжала, устремленный вниз, нашел свою цель, один из самых сильных зверей взвыл и, подняв тучу брызг, опрокинулся на спину, пронзенный лезвием в горло. Грани кинжала окрасились в черный цвет, но тут же засверкали снова, отмытые речными брызгами. Ахани смочил руку водой, такой холодной, что ладонь его занемела, и наспех протер глаза.

Теперь он стал лучше видеть. Волков же еще больше разъярила гибель одного из стаи и запах его крови. Ахани оглянулся и решил перепрыгнуть на соседний валун, где глубина воды, как ему показалось, была больше.

Юноша вогнал кинжал обратно в ножны и, размахнувшись руками, прыгнул. Оказавшись на краю валуна, он неожиданно заскользил по влажной поверхности. Рухнув на живот, Ахани стал сползать вниз. Он пытался зацепиться правой рукой и почти сдирал ногти на пальцах, но удержаться было не за что.

Так парень нелепо опрокинулся в воду и не почувствовал дна под собой. Сильные холодные струи тут же наполнили его волчьей накидкой и, сильно утяжелив ее, потащили за собой.

Ахани стал захлебываться. Его мокрые волосы облепили лицо. Брызги воды нещадно били в глаза и заполнили нос. Но открыв рот, для того чтобы вдохнуть воздуха, юноша вместе с ним наглотался воды и стал кашлять.

Даэв жалобно заржал, а волки наблюдали за ними со стороны, не решаясь лезть дальше в воду. Конь, насколько мог быстро, поспешил к Ахани, сначала взметая тучи брызг ногами, а затем уже грудью раздвигая бурный поток воды, когда глубина стала больше. Потом скакун поплыл, но догнать друга не мог.

Конь громко ржал, стремился подплыть к нему ближе, но нещадная река тащила юношу за собой.

Ахани мотало волнами из стороны в сторону. Еще недавно бывшие такими опасными волки скрылись за поворотом реки и теперь юноше приходилось бороться с новой напастью. Насколько мог он старался держать лицо над поверхностью воды и ему было очень холодно. Тяжелая волчья накидка сильно тянула ко дну, но как ни старался парень не мог расстегнуть ее правой рукой, левая же почти не слушалась.

Его сердце сильно огорчали испуганные ржания Даэва. Юноша не хотел, чтобы его друг так сильно расстраивался. Поэтому иногда он старался крикнуть что то в ответ коню, но сильный шум потока перекрывал его ослабевший голос.

Несколько раз бегущие струи больно швыряли Ахани на валуны. Он сразу же искал правой рукой на гладком камне хоть какой-то выступ или ямку, за которую можно зацепиться, но всякий раз не удерживался и бурлящие волны снова срывали его и волокли дальше.

До тех пор пока река не отбросила его на очередной камень, об который Ахани больно ударился затылком и сознание его погасло.

Глава 3.

Очнулся Ахани от истошных птичьих криков. Он лежал на траве, прижатый к теплому черному камню. Камень подрагивал, был не твёрдым и будто бы покрыт бархатом угольного цвета.

С трудом разлепив веки, юноша увидел перед собой ярко-лазурный небосвод и крупных чаек, часто снующих перед его взором стремительными верещащими комочками.

Небо перед глазами закружилось. В животе кольнула резкая боль и парень закашлялся. Затем содержимое желудка исторглось на траву и стало легче.

Светловолосый Сурья высоко в небе щедро одаривал землю теплом и светом. Птицы стремительно пролетали над зеркальной гладью большого озера, выискивая неосторожных рыб, что подплывали близко к поверхности воды, и своими истошными криками разбудили Ахани.

Юноша чувствовал прохладу реки и слышал убаюкивающий плеск спокойных волн. Этот звук был гораздо приятнее для слуха, в отличии от ночного шумного рокота стремительных потоков, что несли его за собой и били о попутные валуны. Похоже что река, вдоволь наигравшись, выбросила его на пологий травянистый берег.

Ахани поморщился от боли. Все его тело ныло, особенно досаждало левое плечо. Отлепив правую руку от непонятого теплого камня, он осторожно прикоснулся к плечу.

Камень почувствовал движение юноши и радостно фыркнул. Это оказался Даэв. Он смог всё-таки догнать Ахани в быстром потоке, вместе с потерявшим сознание другом выбрался на берег и всю оставшуюся ночь грел юношу своим теплом, прижавшись к нему.

– Даэв, доброе утро, Даэв, – поздоровался Ахани и погладил коня по холке и густой гриве.

Конь в ответ радостно заржал и замотал головой, дыша горячим дыханием в лицо друга.

Волчья накидка Ахани истрепалась и намокла. Юноша наконец-то расстегнул её и, сняв с себя, бросил на нагретую солнцем траву. Он остался в длинной рубахе, сотканной его матерью. Рубаха тоже была влажной и облепила его стройное тело.

Ахани огляделся вокруг, а Даэв поднялся на ноги и с чувством исполненного долга принялся пощипывать сочную прибрежную траву.

Воздушный бой чаек в небе приобрел не шуточный характер. Когда одна из птиц подхватила из волн небольшой запруды мелкую рыбешку, остальные устремились за ней, надеясь отобрать трепещущую серебряной чешуей добычу. Чайки громко пищали и горланили, стремительными движениями пытались догнать более удачливую птицу, но все было тщетно и та успела нырнуть в норку на дальнем берегу и похоже быстро полакомиться там добычей. Остальные птицы снова принялись низко пролетать над волнами небольшого озера, выискивая пищу.

Ахани встал и склонился над водой, надеясь рассмотреть свое отражение. Из трепещущей глади на него глянул высокий и худошавый юноша. Под его правым глазом синел небольшой кровоподтек, а слева на щеке появились две новые длинные царапины. Похоже что бурный поток изрядно помотал бесчувственное тело ночью.

С треском лопающихся ниток, парень оторвал правый рукав от рубахи, обнажив загорелую рельефную руку и постарался как можно плотнее обвязать левое плечо. Кровь из вспоротой клыками кожи давно остановилась, но каждое движение отзывалось острой болью и грозило снова вскрыть затягивающиеся глубокие царапины. На правом запястье юноши тоже были небольшие раны, но казалось они ничем опасным не грозили.

Ладони Ахани зачерпнули чистую и прохладную воду, спугнув стайку серых мальков, и юноша вдоволь напился. Вода оказалась вкусной и не холодной, а уже нагретой солнцем.

Теперь по правую руку в дымке тумана он разглядел маленький водопад. В устремляющихся вниз струях играла маленькая радуга. Вода с глухим рокотом падала с нагорья с высоты примерно двух человеческих ростов и затем растекалась в большое озеро. Похоже что оттуда и принесло потоком Ахани ночью, а затем волны и верный Даэв вытащили его на берег.

Юноша вылез наконец-то из воды и ступил на твердый берег с редкими пучками травы и множеством камней и валунов. Живот его просил пищи. Тогда он сбросил с себя мокрую рубашку и штаны, расстелил их на нагретых солнцем валунах, особенно побеспокоясь об искрящихся камнях – Ахани достал их из поясной сумки и положил под солнечные лучи. Затем вытащил из колчана две стрелы и пошел в озеро. Дойдя в воде до глубины выше пояса, остановился и замер.

Юноша, затаив дыхание, вглядывался себе под ноги. Вода была прозрачной и дно под ногами хорошо различимо. Оно было усеяно камнями разных размеров, форм и цветов. Стайки мелких рыбешек лавировали между ними и иногда пугливо прятались в редких невысоких водорослях, когда видели других рыб чуть больших размеров.

Ахани стоял не шевелясь довольно долго, так что Сурья стал нагревать его обнаженные плечи. Одна из стрел была зажата между зубами юноши, вторую он крепко сжимал правой рукой.

Большая серебристая стрекоза жужжа приземлилась на его замотанное бежевой тканью плечо и Ахани поморщился. Насекомое было размером с ладонь юноши и огромными зеркальными шарами глаз рассматривало незнакомое существо, на котором сидело.

Улетать стрекоза не торопилась. Она часто подпрыгивала, с потрескиванием облетала вокруг головы Ахани и снова садилась на полюбившуюся ткань, распрямляя длинные прозрачные крылышки с белыми прожилками.

Юноше приходилось терпеть. Шевелится было нельзя, потому что так можно было спугнуть большую рыбу, ради которой он и затеял водную охоту. Ещё ему очень хотелось есть. Боли от стрекозы почти не было, больше было беспокойства и надоедливости.

Редкие пушистые облака проплывали по яркой лазури небосвода. И когда одно из них на короткое время закрывало лик Сурьи своим рыхлым белесым телом, то Ахани вздыхал с облегчением и его плечи немного охлаждались.

Шло время. Даэв уже перестал пощипывать траву на берегу, насытившись. От одежды, разложенной на прибрежных валунах поднимался легкий пар.

Озеро, со всех сторон, кроме южной, окруженное пологими пятнистыми холмами, постепенно нагревалось. С южной стороны его висела непроглядная завеса густых молочных облаков. Но Ахани знал, что за этой пеленой уже начинаются каменные утесы. А потом и горы.

Редкими порывами дул тёплый ветер и пускал рябь по искрящейся от солнечных бликов водной глади. Иногда странные насекомые – водомерки, что умели бегать по воде, деловито сновали мимо замершего юноши, от их мелких лапок по воде расходились такие же мелкие круги.

Наконец-то рыба, которую так долго ждал Ахани, появилась. Она осторожно высунула заостренную морду из водорослей и подплыла близко к ногам юноши. Была она светло-серого цвета и размером с ягненка. Её крупная чешуя поблескивала, отражая солнечные лучи, а движения больших плавников были плавными и уверенными.

Уголки губ Ахани удовлетворенно поползли вверх, правая рука с зажатой стрелой тоже очень медленно двинулась в том же направлении.

Юноша уже чувствовал во рту сочный вкус рыбьего мяса, зажаренного на углях и думал на сколько дней пути хватит этой большой рыбины, если ее засолить на солнце и как её надо будет тащить с собой. Нарезать и связать куски ее мяса и нести на спине или всё-таки как-то примотать их к поясу, или все же забросить мясо на Даэва?

Рыба подплыла совсем близко к Ахани, так что почти касалась его колена. Юноша что есть силы обрушил правую руку со стрелой.

Взметнулись брызги. Костяной наконечник, насаженный на древко, вспорол водную гладь. Выбил пару чешуек на боку рыбины. Но та ловко увернулась и бросилась уплывать. Ахани с досадой закричал во все горло и нырнул вслед за ней, выставив стрелу перед собой.

Но опять лишь оцарапал несколько чешуек на ее боку. Рыба отпрянула и уплыла, победно и насмешливо извиваясь гибким откормленным телом.

Ахани вынырнул. Повязка на его плече намокла и на ней проступило пятнышко крови. Разочарованно мотая головой, он побрел на берег. Даэв встретил его ржанием и нетерпеливым топотом копыт.

Сейчас Ахани был похож на водного бога. Мокрый и весь облепленный темно-зелеными водорослями, юноша блестел от воды. Тёплые обильные струи стекали с длинных волос, так что на камнях за ним оставались мокрые отпечатки босых ног.

Быстро схватив лук, Ахани наложил на него мокрую злополучную стрелу. Растянув потрепанную тетиву, он какое-то время ждал, наблюдая за небом и осторожно отступая от воды. А затем прищурился и выстрелил. В небе жалобно пискнула чайка и полетела к земле.

Тетива отправила последнюю стрелу и лопнула. Тисовое древко с двойным изгибом выгнулось и распрямилось – юноша горестно вздохнул и мягко опустил размокший лук на землю.

Позже, когда угли в маленьком костерке догорали, а юноша обглодал последнюю птичью косточку, он удовлетворенно вытер пальцы о траву. Хоть мясо было безвкусным и жестким, но наполнило живот.

– Пойдём, Даэв, – обратился к коню Ахани, натягивая одежду и сапоги. – У нас еще долгий путь.

Конь одобрительно заржал в ответ. И они пошли дальше на юг, огибая озеро по каменистому берегу в сторону густых белых облаков.

По дороге Ахани углядел невысокий клен и, поклонившись, отломал от него две ветки – длинную и короткую. Затем отрезал от накидки полосу, убрал шерсть, что есть силы скрутил лоскут и растянул короткой веткой. Так родился новый лук.

Когда Сурья уходил к себе домой, небосвод стал темнеть и на нем уже зажигались первые звезды, Ахани облюбовал место для ночлега – небольшую поляну между больших глыб, сокрытую от ветра и посторонних глаз. Озеро осталось далеко позади и снова превратилось в узкую реку. Уютная долина заканчивалась и переходила в маленькую извилистую низину, зажатую между крутобокими, усыпанными камнями холмами.

Ахани всю дорогу собирал сухие ветки и теперь соорудил из них скромный костер. Быстро поджарив на огне подстреленного зайца, юноша подкрепился. Затем завернулся в накидку, разгреб мелкие камни до ровной поверхности для удобного сна и лег под тёплый бок Даэва.

Тихо потрескивали догорающие угли, а в небе перемигивались сотни звёзд и плыли редкие, кажущиеся черными облака, когда уставший юноша, привыкнув за день к легкой ноющей боли из ран, пытался забыться во сне.

Чистые холодные воды реки хорошенько промыли царапины от клыков волков и потому они начали заживать.

Мысли о его родных, сгинувших в неизвестности, как дурман, завладели им. И он корил себя. За то, что так легко поддался на обаяние и притворную дружбу Анхры. За то, что дал обмануть себя её хитрым речам. Поверил ее чарующей красоте.

Ахани обвинял себя в мыслях и зубы его слегка скрежетали от обуявшей его злости, дыхание в горле перехватывал комок, не пропускающий воздух. Кулаки его сжимались до белеющих костяшек.

О если бы он не выпил тот дурманящий настой из рук Анхры! Тогда все было бы по-другому! И его деревня осталась бы! И все были бы живы!

Он стегал себя этими мыслями как плетью и слезы проступали на его глазах.

А теперь мудрый Варуна знает, что случилось с отцом и братьями. Ахани все никак не мог признать для себя из какого пепла состоял тот холмик посередине его родной деревни. И все убеждал себя, внушал сам себе надежду, что отец и братья живы, что они просто отступили или ускакали за помощью. Что вот-вот они вернутся и приведут с собой сотню сильных воинов. Что отыщут Мартана и вырежут ему сердце. А подлюю Анхру заставят вечно служить им, работая в поле.

И конечно вернут матушку и сестренку. И милую Хини. И снова все будут в радости.

Эти мысли не давали покоя и сна. Горечь обиды душила. Кулаки сжимались, срывая траву, и сильно стучали по земле в досаде.

Так текло ночное время. И бледный Сوما в небосводе казалось закручинился и чуть похудел. Ночь была полна звуков. Откуда-то изредка кричал филин и еще реже докатывался отдаленный смех шакала. Потрескивали ночные насекомые, иногда свистели землеройки.

Ахани наконец-то уснул. Ему снились родные. Сестренка Савитри со слезами на лице звала брата. И Ахани рвался к ней, но что-то мешало ему идти. Казалось сам воздух загустел, а ноги его были тяжелы, как будто к ним привязали камни и никак не мог Ахани сдвинуть их с места.

Очнулся юноша от тихого шороха и резко открыл глаза. Не сразу пришел он в себя после тяжелого сна и долго думал где он. Вокруг все также властвовала ночь. Но близкий шелест травы разбудил чутко спавшего юношу.

Ахани вздрогнул. Рука его обхватила рукоять кинжала и тихо достала его из ножен. Даэв, ровно и глубоко дыша, спал рядом с другом. Затем шорох повторился и чуткий конь встрепнулся.

Ахани приподнялся на локте и всмотрелся в полумрак теней, падающих от больших глыб, возле которых они устроились на ночлег. Поляну заливал тусклый свет луны. Но в вязкий сумрак лучи её не проникали. Оттуда и доносились короткие тихие шорохи.

Ахани услышал мягкие хлопки сильных крыльев высоко над головой. Большая тень пронеслась по черному небосводу, заслоняя собой россыпи ярких звезд, и пропала из виду на фоне громады высокого холма.

– Уху! Ух! – негромко донеслось оттуда, зажглись и погасли большие круглые глаза и Ахани узнал в птице филина, что вышел на ночную охоту.

Подозрительные шорохи, разбудившие юношу, прекратились и Ахани через некоторое время начал клевать носом, пальцы, сжимающие кинжал, ослабели.

Казалось неведомая опасность в тени исчезла. Да и какую она могла представлять угрозу? Если бы это был хищник, то он бы уже давно напал, а так пошуршал по кустам, побегал. Да мало ли кто там мог быть! Может и просто крот или суслик.

Так рассуждал юноша и мысли его становились все медленней. Веки открывались все реже и очень скоро он снова спал, сладко посапывая.

Снилось Ахани что он летит. Высоко-высоко над землей в ночи. Ветер свистит в ушах и слезит глаза. Внизу проносятся бесконечные холмы, заваленные камнями от бурого до черного окраса, разных размеров и форм, больших и маленьких, гладких и крутобоких, и рубленых, и разбитых, и рассыпанных, как будто боги как малые дети резвились с ними, расшвыривая на сколько хватало взора, от горизонта до горизонта.

Проносились маленькие рощи с низкими деревьями, извилистые речки с белодымными порогами, большие и маленькие озера, трепетно отражающие россыпи звезд над собою, бурлящие водопады с белесыми туманами, стада скачущих оленей и стремительных диких лошадей, стаи суровых серых кабанов и рышущих волков, луга желто-зеленой травы.

Все это ярко освещено светом Сомы. Ахани почувствовал свои раскинутые руки. Но они не были руками. То было два крыла покрытых песочно-черным оперением. И он летел держа их на воздушных потоках, так как будто умел это с рождения.

Крылья его не вздымались и не хлопали – они ровно поддерживали тело юноши, плавно скользя по ветру. И ноги его были вовсе не ноги, а короткие оперенные лапы с черными изогнутыми когтями. И был он больше не Ахани, а сильным и грозным филином.

Свой полет летучий хищник завершил большой петлей над родной деревней Ахани. И была она еще жива тогда. В нее только-только врывались, спускаясь полукругом с окрестных холмов, хладнокровные суровые всадники с оружием, яростно свистя и крича для устрашения.

Ахани птичьим взором видел как выбегают им навстречу из его родных и таких знакомых юрт полуголые взъерошенные мужчины с саблями. Как отмахиваются, подныривают под вражеские копья и ятаганы, как режут ноги коням с брызгами горячей дымящейся крови. Всадники кубарем скатываются с раненых коней, но не успевают даже подняться с земли, как их встречают женщины селения и последнее что они видят – это длинные вороненые кинжалы, летящие в их лица.

Но всадников больше. Гораздо больше. И один за другим падают израненные защитники деревни, а на женщин издалека и ловко накидывают петли и валят с ног древками копий, и обезоруживают, и тащат, яростно стонущих и сопротивляющихся, к центру деревни.

Затем Ахани-филин увидел отца, грозно и размеренно машущего длинным обагренным копьем. Перед ним билась на земле гнедая лошадь с перерезанными ногами, а ее всадник, проткнутый и выбитый из седла, уже не шевелился. Подлый ночной разбойник поплатился за дерзость и лег в пыльную землю рядом еще с четырьмя его же товарищами.

Тела врагов вперемешку с лошадьми громоздились бесформенной кучей, а земля под ногами Дакши была вся блестящей от крови. Два его сына, Брани и Стори, стояли по бокам у отца, защищая его спину. Мать, сжимая длинный кинжал, охраняла вход в юрту. Сави видно не было, похоже девочке строго-настрога приказали носа не казать на улицу.

Опешившие от такого яростного сопротивления, ночные разбойники уже не так резво лезли на рожон, огибая опасную троицу и устремляясь дальше к центру деревни. Но вот снова еще двое всадников одновременно решили попытать удачу и устремились на защитников, махая ятаганами и подбадривая себя улюлюканьем и свистом.

Одного из них свалил Стори. В этот раз он пожалел взмыленную лошадь и просто увернулся от свистнувшего изогнутого ятагана разбойника и, выбросив правую руку с узким мечом вверх над собой, воткнул лезвие нападавшему в подмышку, в щель между стальными пластинами, да так что оно погрузилось туда наполовину, а острие вышло из его правого плеча, поддев вверх лисью шапку нападавшего. Тот взвыл от боли и опрокинулся навзничь на спину лошади, поливая ее кровью, и меч Стори выскользнул обратно.

Второго разбойника снова насадил на свое копьё Дакша, привычным уже движением выбив того из седла. Очередной незадачливый грабитель, скуля и вцепившись в древко копья, торчащее из его живота, как куль шмякнулся рядом со своими приятелями и сразу же отправился к Яме – богу смерти и повелителю царства мертвых.

Тут свистнули стрелы. Ахани, кружа над родной деревней, в которой звенел бой, птичьими глазами видел как к его родным не торопясь подъехал Мартан в окружении трех мощных воинов и те достали из-за спин короткие мощные луки. Они натянули тетивы и одновременно спустили их.

Братья успели махнуть мечами. Брани резким движением лезвия разрубил направленную в него стрелу пополам, а Стори просто клинком отклонил полет стрелы и та вонзилась в землю. Отец же был без меча и потому стрела, направленная ему в грудь, оцарапала подставленное им копьё и вонзилась в его левое плечо.

Дакша зло усмехнулся. У Ахани закружилась голова от ярости, гнев затопил его разум, а рот, теперь ставший черным изогнутым клювом, издал злобный совиный крик.

– Аахр! – звонко раздалось высоко в небе.

Все еще высоко кружа по ветру над местом нападения, юноша увидел как к его юрте, стремительным шагом идет Анхра, спускаясь по холму меж серых валунов и сжимая в левой руке тонкий длинный меч. Лезвие светилось бледным сиянием.

Острые клинка она держала небрежно и тот часто царапал подножные мелкие камни, со скрипом высекая из них искры. Некоторые из этих искр падали на сухую траву и оттуда начинал подниматься легкий дымок.

И чем дальше шла Анхра, тем выше становились струйки дыма за ее спиной и некоторые из искр уже превращались в языки пламени. Сверху для взора Ахани казалось, что огненная змея извивается за стремительной девушкой.

Шаг ее был похож на бег, но с прямыми ногами, так быстро она шла, переставляя часто и мягко ступни, обутые в мягкие кожаные сапожки. С каждым быстрым движением ее стройных ног вздымался подол длинного до лодыжек темно-красного платья и плащ ее трепетал за спиной движимый ветром. Развевались длинные черные волосы, а прекрасное лицо было сосредоточено, изогнутые брови сведены к переносице в задумчивости, уголки чувственных губ подрагивали в легкой полуулыбке, казалось в предвкушении вкуса крови.

Подойдя к юрте с задней стороны, девушка умело и молниеносно взмахнула мечом снизу вверх и легко вспорола ткань жилой хижины.

– Сави! Беги! – хотел крикнуть взволнованный Ахани, но снова птичий клюв издал высокое, режущее слух. – Аахр! Аар!

С этим криком взмокший и часто дышащий юноша сел на траве, ошарашенно озираясь по сторонам и лихорадочно сжимая рукоять кинжала. Сон был настолько реальный, что казался явью. Даэв рядом зашевелился.

– Уху! Ух! – снова донеслось из темноты.

Ахани посмотрел в сторону раздавшегося крика, пытаясь разглядеть филина, но ночь была темна и птицу совсем не было видно на фоне высокого склона холма.

Возможно пернатый хищник сидел совсем недалеко и наблюдал за Ахани и конем или же высматривал землероек или сусликов, но зачем тогда так явно выдавать себя криком, ведь они всегда тихи на охоте?

– Манью, – произнес глухой мелодичный голос с другой стороны поляны за спиной Ахани и юноша резко обернулся.

Это была она. Та же девушка, что только что видел он во сне. Та, которая поджигала его родную деревню и пыталась найти его сестренку, которая опоила его и бросила на гибель.

Сначала невысокий женский силуэт обозначился в полумраке теней на фоне больших валунов, а затем и сама она, бесшумно ступая и казалось не приминая травы, вышла на залитую лунным светом поляну.

Теперь Анхра также твердо и уверенно смотрела на него, ошалело сидящего на земле, как и в то мгновение, когда стоя рядом со своим братом Мартаном над одурманенным юношей, решала жить ему или умереть. Девушка сжимала меч с серебряной рукоятью и слегка изогнутым лезвием изящной левой ладонью.

– Ахани, тебя легко найти как глупого теленка, – с грустной улыбкой проговорила девушка, склонив голову и пристально глядя на юношу. Ее огромные черные глаза казалось совсем не мигали. – Как ты заслужил помощь Рудры?

– Манью? – вопросом на вопрос ответил опешивший юноша и легко вскочил на ноги, чувствуя как злоба сжимает кулак с кинжалом. – Что это? И где моя семья?

Верный Даэв также резво поднялся на ноги и зло заржал. Юноша, тяжело и коротко дыша от ненависти и обиды, встал насупившись и зло склонив голову, всего в паре шагов от Анхры.

– Ауху! – снова раздался из темноты голос филина.

– Это мое второе имя, – ответила Анхра-Манью и резко ткнула острием лезвия в грудь юноши, выставив перед собой левую руку. – Но ты должен ответить мне о Рудре!

– Ничего я тебе не отвечу, подлая чужестранка! – с жаром выпалил Ахани. – Это ты мне ответишь за все зло! Своей кровью!

– Прошу тебя, не гневись так быстро! – с легкой грустью быстро прошептала Анхра. – Ведь ты ничего не знаешь!

– С твоей матерью и сестрой все хорошо! – продолжила она. – И если твой брат придет и преклонится перед Мартаном, то они получают свободу, как и обещано.

– А что стало с моим отцом и братьями? И Хини? – с тревогой спросил Ахани. Он почти не обращал внимания на легкую боль в груди.

Даэв, изредка вхрапывая и мотая длинной густой гривой, чутко прислушивался к чарующему, новому для себя, голосу.

– Вот это мне неизвестно, – Анхра разочарованно мотнула головой и сквозь волну её угольных взметнувшихся волос вспыхнула в лунном свете большая серебряная серьга с вдетым в неё жемчугом. – А вот что за Хини? Уж не та ли это гордячка, что все защищала твою сестру? Она сполна ответила за свою дерзость!

– Что вы с ней сделали? – казалось Ахани потерял остатки разума от негодования и вскричал, подавшись вперед.

Даэв, услышав громкий гневный крик друга, заржал и взвился на дыбы, как грозная черная туча. Он легко оттолкнул Анхру и чуть не опрокинул ее наземь.

– Аах! – разбойница, раскинув руки, еле удержалась на ногах и проехала сапогами по скользкой от росы траве. Она закрыла лицо свободной от меча правой ладонью и, шипя от боли, пригнулась.

Ахани ошарашено взглянул на взбешенного Даэва и принялся успокаивать его, глядя по холке, шее и длинной черной гриве.

– Спокойно, Даэв, тише, – мягко приговаривал он и размеренно проводил ладонью по подрагивающим густым волосам коня. Даэв тихонько всхрапывал в ответ и мотал головой.

Бледный Сوما, уже чуть похудевший, с безразличием взирал на все происходящее внизу с черного небосвода, начинающего краснеть с краешка в ожидании Суры. Все жены Сомы так же оживленно перемигивались, а его любимая супруга Рохини даже пустила короткую свою слезу – падающую звезду в сторону обиженной Анхры.

Девушка разогнулась и отняла ладонь от лица. Пухлые губы ее дрожали в гневливой и обиженной гримасе, нижняя была разбита и из неё сочилась темная в лунном свете кровь. Взгляд её был тверд и казалось чёрный туман клубился в больших зрачках.

Тонкая черная струйка, как маленькая змея, стекала из уголка её рта по изящному белому подбородку вниз, дальше по белой шее и ныряла в высокое декольте.

А затем неожиданно Анхра начала смеяться. Сначала смех её был робкий, как тихие переливы маленького ручья, прыгающего по камням, но постепенно он рос и набирался сил, подобно полноводной быстрой реке, и вот она уже весело смеялась, запрокинув голову.

Одновременно с ее смехом, длинная тень что отбрасывала ее стройная фигура, извивалась и росла, увеличивалась в размерах и постепенно начинала заполнять поверхность поляны.

Тень девушки расширялась и поглощала под собой траву, камни и мелкие кусты, сливалась с полумраком под большими валунами, что окружали поляну и Ахани становилось не по себе. Юноша изумленными глазами наблюдал за происходящим, не переставая успокаивать коня.

Когда смех прекратился и девушка вновь стала серьезной, то меч её с шелестом вернулся в ножны.

Анхра подняла открытые ладони, обращенные к черному небосводу, и тень её, уже заполнившая собой почти всю поляну, внезапно потянулась обратно к хозяйке, устремилась к ней на руки, словно два черных дымных ручейка.

Тени, влекомые к бледным и тонким пальцам, скручивались и переплетались между собой в воздухе, образуя круглое тугое облако непрерывно движущихся темных туманных струй, наподобие клубка чёрных змей.

Когда на поляне не осталось больше ни одной тени и все они собрались в живой, непрерывно пульсирующий шар, парящий в воздухе, Анхра оторвала взгляд от сотворенной ворожбы и пристально посмотрела на изумленного юношу.

– Прости меня, Ахани! – мягко произнесла колдунья. – Но я должна это сделать!

С этими словами девушка развела ладони и клубок, не удерживаемый больше ничем, упал на землю, с черными брызгами и тут же зашипел, меняя форму.

Теперь Ахани смотрел на большую кобру, в которую превратился клубок теней и холодок пробежал по его спине. Костяшки пальцев, сжимающие рукоять кинжала, побелели. Анхра, заведя руки за спину, сделала два шага назад и вбок, предоставляя сотворенной змее свободу действий.

Та стала шипеть и раскачиваться, надув черные полукруглые пазухи. Взгляд маленьких глаз змея не сводила с замершего перед ней человека и часто из её рта высовывался острый красный язык.

Кобра извивалась и вила кольца по земле влажным хвостом и голова ее раскачивалась на одном уровне с юношей. Часто разевая пасть, она показывала парню два длинных изогнутых клыка, с которых капала слюна.

Ахани обхватил рукоять кинжала обеими ладонями и выставил острие перед собой. Кобра, увидев это движение, не стала долго выжидать и бросилась на человека, шипя и широко разинув пасть. Юноша как будто погрузился в затхлую болотистую влагу. Лезвие кинжала не встретило никакого сопротивления. Змея из теней оказалась мороком и пролетела сквозь парня, обдав его прохладным, плохо пахнущим ветерком.

Зато оказавшись за спиной Ахани, кобра неожиданно обрела плоть и вонзила клыки в шею Даэва.

Конь заржал от боли, а резко обернувшийся юноша полоснул кинжалом по призрачной змее. Кобра развалилась на десятки теней и они пролились черной водой, исчезнув между трав и камней.

Из-за холмов показался Сурья и стало светло. И снова он не заметил куда и когда пропала Анхра. Ахани встретил первые лучи солнца, сидя на холодной земле. Голову Даэва юноша положил себе на колени. Изредка он гладил коня по лбу, погружал пальцы в его густую гриву. И невидящим взглядом смотрел на восход солнца.

Недавно Даэв пофыркивал и часто дышал, иногда его ноги подергивались, но теперь дыхание его прервалось и карие влажные глаза смотрели на Ахани, не моргая.

Глава 4.

Высокий юноша быстро шел вверх по длинному пологому склону. Мех его волчьей накидки, больше похожей на короткий плащ, мягко перебирал встречный влажный ветер. Ярко освещал землю Сурья, но его тепло уже почти не долетало до Ахани. Все тепло забирали себе пронизывающие насквозь, хладные дуновения с высоты холма.

За передвижением человека, кружась в небе, наблюдал суровый орел с песочно-черным оперением и загнутым клювом. Уютная извилистая долина, по которой прошел Ахани, закончилась и уперлась в огромную гору, что закрывала весь небосвод. Травы на склоне почти не было и после каждого шага Ахани из-под его ступней со стуком выскакивали россыпи серобурых камней и, весело подпрыгивая, скатывались вниз.

На краю земли, куда уводил склон, в вышине плыли плотные как деревенские барашки, надутые облака и струился неясный туман.

Ровно и мерно дыша, Ахани неумоимо шагал и шагал вверх. В редкие моменты его сапоги начинали скользить и съезжать вниз по спинам гладких камушков, которые журча и переговариваясь перестуками, скатывались вниз по склону, огибая островки пожухлой травы, большие выступы скал и торчащие то тут, то там разноцветные глыбы и валуны.

Тогда Ахани хвастался за первое, что попадалось перед глазами, будь то иссушенная ветка кустарника или же острый выступ камня, и останавливал скольжение. Упорства было много и юноша снова принимался карабкаться вверх, огибая скользкое место.

Далеко внизу остался его уснувший друг Даэв. Ахани часто вспоминал коня и в эти моменты начинало болеть горло и встречный холодный ветер срывал капли с его ресниц.

Когда это происходило, юноша с удвоенной скоростью принимался шагать вверх. Часто для того чтобы продолжить движение, Ахани приходилось перешагивать, перепрыгивать, перелазить и вскарабкиваться на большие каменные глыбы, которых становилось все больше да и размеры их увеличивались.

Молодой арий шёл как иступленный, но мысли его были совсем о другом. Взбираясь на вершину очередного валуна и на ощупь выискивая на гладком холодном боку какую-нибудь выемку, юноша думал об отце.

Он гадал, был ли вчерашний сон провидением? Неужели боги приоткрыли ему знание, которое так жаждал он узнать или же это было хитрое колдовство Анхры, которая была тогда неподалеку от него?

Еще Ахани все думал, что же могло случиться после того как Мартан со своими друзьями подъехали к его отцу и братьям, после той стрелы, что вонзилась отцу в плечо и после того, как хитрая Анхра проникла в их юрту, вспоров задний полог.

А те слова подлой колдуньи о наказании для милой Хини. Что могли они сотворить с его веселой подругой? Думая о Хини, Ахани шмыгал носом и мотал головой, отгоняя грустные думы. Сердце сжималось и дыхание перехватывало, когда образ милой вставал перед его мысленным взором.

Ахани вспоминал тот их последний короткий разговор на окраине деревни, как стояла горделиво Хини и взоры уходящего Сурьи были нацелены на девушку. Как подсвечивало солнце нежно-алым цветом её длинные светлые волосы, а в больших голубых глазах Хини весело плясали хитрые огоньки и маленькие пухлые губы её дрогнули, когда схватила она Ахани за мизинец.

При этом воспоминании юноша поднимал правую ладонь и вглядывался в нее, потому что странные ощущения, которые впервые появились от теплого прикосновения Хини, возвращались туда и раскатывались волнами по всему телу, заставляя землю под ногами кружиться.

Зная гордый характер подруги, Ахани все гадал что за наказание досталось ей от Мар-тана. Он отдал бы все на свете, чтобы оказаться рядом с ней и помочь, заступиться и защитить. Но вспоминая их детские игры, думал что Хини сама защитит кого угодно, а уж мимо несправедливости не пройдет никогда и сама может надавать тумачков.

Он мысленно, а иногда и шепотом взывал к мудрому Варуне, чтобы тот помог им увидеться снова с ней и любимой семьей, матерью, отцом, братьями и сестренкой Савитри.

Иногда юноша думал об Анхре и ее странных словах. В её извинениях прошлой ночью он не почувствовал обмана и теперь размышлял о том, что могло вынудить колдунью на этот злой поступок. Неужто подлый брат заставляет свою сестру так поступать?

Одиноким орел, до этого кружащий в небе над Ахани, издал боевой клич и камнем рухнул вниз. Уже возле земли крылья птицы с громкими хлопками замахали и орел снова поднялся над землей, держа в цепких изогнутых когтях трепыхающуюся землеройку.

Ахани, увидав эту охоту, вспомнил что ел он последний раз вчера, но мысли о еде почти не посещали его, все его помыслы были заняты уснувшим Даэвом и неизвестной судьбой его семьи.

Недолгое время порывав по окрестным валунами, юноша углядел только пригревшегося на нагретом камне большого и толстого ужа.

Позже он развел маленький костерок в небольшой покрытой мхом впадине и ел жареное змеиное мясо.

В это же время, пока Ахани кушал в южных предгорьях, немного севернее по холмистой равнине что есть силы скакала белая лошадь.

Кобыла была высокой, молодой и сильной. Ни капельки жира не было под ее белоснежной шкурой и только мышцы рельефно выделялись на длинных бедрах.

Белоснежные грива и хвост кобылы развевались по ветру. Мощные копыта высекали искры и с корнями выдирали траву при каждом ударе о землю. Ноздри лошади широко раздувались, выдыхая большие клубы пара.

Животное несло во весь опор и казалось ни одна из живущих лошадей не могла сравниться с ней в скорости.

Всадница быстроногой кобылы уверенно сидела на ее спине, накрытой овечьей шкурой, и сильно прижималась стройными бедрами к бокам животного. Черноволосая девушка почти лежала на шее лошади, обхватив её руками.

Худое лицо Анхра прятала в густой белой гриве, пытаясь найти в ней спасение от дыхания Ваю, но от этого было мало проку. Колючий воздух все равно проникал туда, немного мешал дышать и сильно слезил её большие чёрные глаза.

Соленые слезы текли по ее впалым щекам, от чего девушке становилось немного прохладней и обнаженные кисти рук покрывались мурашками.

Рана на нижней губе колдуньи, оставленная конем, запеклась и немного саднила. Но Анхра не обращала внимания на легкую боль.

Взор ее был прикован к поверхности земли, что быстро летела под копытами лошади. Казалось она что-то выискивала и пыталась высмотреть заплаканными опухшими глазами среди пролетающих трав и камней.

Лошадь скакала на север по склонам холмов, то взбираясь на их плешивые каменные вершины, откуда открывался захватывающий дух вид на зеленые волны предгорий, простирающихся до самого горизонта, то снова ныряя в слегка сумрачные их подножия, где в заполненных молочным туманом оврагах жили таинственные апсары. На ходу животное огибало редкие заросли низкорослых кустарников и многочисленные серо-коричневые россыпи камней.

Время летело вместе с кобылой, но вот наконец Анхра разглядела впереди на земле маленький кустик и, нагнувшись, на ходу сорвала его. Между ее длинных цепких пальцев остались несколько маленьких зеленых листьев с белыми прожилками и комочками земли.

Сжав растение в кулаке, девушка поднесла его к губам и закрыла глаза.

– Манью брахрор, – еле слышно прошептала она глухим голосом, быстро выдохнув, сунула пучок в рот кобыле и сильно ткнула пятками ей в живот. – Вперед, Марута!

Лошадь привычно приняла подношение и быстро прожевала траву. После чего глаза её вспыхнули зеленым светом и тут же подернулись черной поволокой. Кобыла громко заржала и ноги ее побежали ещё быстрее, да так что Анхра снова пригнулась к гриве.

Беловолосый Сурья, что провел весь светлый день на бирюзовом небосводе, в вечной погоне за своей любимой красавицей Ушас, уже добрался до края земли и на смену ему прискакали братья Ашвины в золотой повозке. Эти близнецы всегда появлялись дважды в сутки перед закатом и перед рассветом, но сегодня их веселое настроение испортил грозный Варуна, появившийся с севера.

Анхра-Манью знала что Варуна суров и справедлив, и никогда не приходит без надобности. И раз он пригнал за собой стаю грозных туч, то ждет ее наказание за убийство коня Ахани.

Быстроногая Марута стала сильно забираться в сторону, опасаясь ярких вспышек на краю земли. Девушка зябко поежилась, но затем решительно, сжав в кулаках пушистую гриву, направила лошадь в нужное направление на север, прямо на клубящиеся там со всполохами молний черные тучи.

Она уже давно и ничего не боялась. Будь что будет! Колдунья понимала, что совершила ужасный поступок, но он был уже далеко не первым и потому в груди ее болело все меньше. С каждым обманом или смертью Анхра становилась все спокойнее и равнодушнее, казалось что частички ее души отмирали вместе с совершенным грехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.